

Виктор Доценко

СЕМЬ ЛЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Доценто Вет.
отр. 1

РИПОЛ КЛАССИК

Бешеный

Виктор Доценко

Семь лет за колючей проволокой

«РИПОЛ Классик»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Доценко В. Н.

Семь лет за колючей проволокой / В. Н. Доценко — «РИПОЛ
Классик», 2022 — (Бешеный)

ISBN 978-5-386-14871-3

Впервые в полном объеме и окончательной авторской редакции — пронзительная автобиография удивительного человека и выдающегося писателя, создателя легендарного цикла романов о Савелии Говоркове по прозвищу Бешеный. Какой путь привел Виктора Доценко к литературной славе? Какие радости и страдания выпадали на его долю, прежде чем он создал народного героя наших дней? Обо всём этом — в захватывающей и предельно честной книге о времени, о родной стране, о том, как остаться достойным человеком, даже если тебе предстоит пережить СЕМЬ ЛЕТ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ... Содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-14871-3

© Доценко В. Н., 2022
© РИПОЛ Классик, 2022

Содержание

Обращение автора	6
От издательства	7
От автора	8
Предисловие	9
Семь лет за колючей проволокой	11
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	41
Глава 5	55
Глава 6	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Виктор Доценко

Семь лет за колючей проволокой

© Доценко В. Н., 2022

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

* * *

Обращение автора

Уважаемые Читатели: Друзья мои!

Если Вы читаете или слушаете эти строки, значит, Вы приобрели новую версию книг писателя Виктора Доценко. И подсказала их писателю во сне болгарская целительница, с которой писатель был знаком лично при её жизни: Баба Ванга...

Главные отличия новых изданий. Во-первых, выпускает их издательство «РИПОЛ классик».

Во-вторых, книги Автора издаются на всех существующих в данное время носителях: в бумажном, в электронном, и в АУДИО-форматах.

В-третьих, важные и существенные новинки: РЕДАКТУРА на всех носителях и ЗАПИСЬ АУДИО-режима произведена ЛИЧНО АВТОРОМ!.. Если данного ПРЕДИСЛОВИЯ в книге нет, то данная книга издана НЕЛЕГАЛЬНО, то есть является КОНТРАФАКТНОЙ, и Вы можете призвать к ответственности продавца!!!

Очень надеюсь, Друзья, что эти новости придутся Вам по душе и Вы сумеете оценить их по достоинству!

БЛАГОДАРЮ за внимание!

С уважением, Ваш Виктор Доценко...

От издательства

Созданный Виктором ДОЦЕНКО русский Рэмбо – Савелий Говорков по прозвищу Бешеный – прожил жизнь, измеряемую на данный момент двадцатью пятью книгами, тираж которых перевалил за двадцать пять миллионов экземпляров. Савелий уже давно стал Народным героем, Героем нашего времени.

До 2000 года в издательство пришли тысячи читательских писем с требованием к Автору рассказать о себе.

И Автор решил откликнуться на эти письма – в начале двухтысячных годов была написана книга «Отец Бешеного», повествующая о жизни самого Автора.

Судьба Виктора Николаевича уникальна: большой спорт, учёба в Бауманском, МГУ и в Софийском экономическом институте, два диплома ВГИКа, несколько лет на зоне, Афганистан, где Доценко получил афганскую пулю, роли в театре и в кино, постановка первых российских боевиков «...По прозвищу Зверь», «„Тридцатого" – уничтожить!», «Чёрные береты».

Прожитое и пережитое, а также настойчивые письма Читателей заставили Виктора Николаевича взяться за перо.

В книге «Подводя итоги» Сомерсет Моэм писал: «...у него было больше силы характера, чем ума, и больше ума, чем природного таланта...»

Твёрдый характер, воля, упорство позволили Виктору Доценко пройти трудную, полную невероятных событий и приключений жизненную и творческую дистанцию, не сломаться, а победить, заслужив искреннюю Любовь Читателя.

В мемуарах «Не благодаря, а вопреки...» (готовится переработанное издание под названием «Взлёты и падения отца Бешеного»), которые читаются как увлекательный роман, Виктор Николаевич пообещал Читателю, что обязательно напишет воспоминания о годах, проведённых в неволе. И вот он выполнил своё обещание: перед вами книга «Семь лет за колючей проволокой», в которой Автор повествует о прожитом и пережитом по ту сторону...

От автора

С-ейчас за окном конец января 2020 года! И я приступаю к редакции своего романа «Тюрьмы отца Бешеного», написанного около двадцати лет назад, для его новой публикации в издательстве «РИПОЛ классик». Конечно, я уверен, что память наверняка выхватит из моего прошлого какие-то **НОВЫЕ** подробности, которые я упустил в своё время в этой книге.

Не судите меня строго, если Читателю покажется, что появятся какие-то несовпадения с первой книгой, но это не есть ложь или ошибка, а это всего лишь **УТОЧНЕНИЯ**, которые и вспомнились Автору...

Надеюсь, что Читатели, знакомые с первым изданием этой книги, не станут слишком копаться, чтобы ткнуть меня в некоторые эти несовпадения.

А Читателям, впервые знакомящимся с биографическим опытом Автора, не будет скучно, и многие получат не только удовольствие, но и на примере моей жизни и моего жизненного опыта извлекут для себя полезные сведения о том, **КАК** иногда не стоит **ТАК ЖИТЬ!**..

Нескучного Вам времени, дорогие мои!

Ваш Виктор Доценко...

Предисловие

Уважаемые мои Читатели! Минуло много больше четверти века с тех пор, как герой Савелий Говорков пришёл в вашу жизнь, чтобы помогать вам, переживать её тяжёлые моменты, а порой и подсказывать, как бороться со злом. Около двух десятилетий назад я написал книгу о своей жизни «НЕ БЛАГОДАРЯ, А ВОПРЕКИ...». И в ней обещал рассказать о том, как советские власти засадили меня в тюрьму из-за того, что мои произведения показались им опасными...

Пообещать-то пообещал, но всё никак не мог заставить себя сесть за эту книгу и никак не мог понять, почему это стало для меня таким трудным делом. Да, воспоминания эти были не из самых приятных, но я уже прошёл подобные испытания во время написания о своей жизни... Тогда почему не поднимается рука?

Почему я никак не могу заставить себя сесть за эту книгу? О чём только я не передумал... Чего только не нафантазировал... Додумался даже до того, что мне не даёт писать какая-то «нечистая сила».

Но всё оказалось так просто, что теперь можно самому только посмеяться над моими размышлениями,

Дело в том, что с книгой «Срок для Бешеного», за которую меня лишили свободы во второй раз, Читатель имел возможность познакомиться ещё двадцать лет назад. А произведение, послужившее первым поводом для компетентных советских органов внести Автора в свой «чёрный список» и в конце концов отправить его в места «не столь отдалённые», до сих пор не дошло до Читателей, а потому ссылка на эту киноповесть под названием «День, прожитый завтра...» не имела никакого смысла.

Тут меня и осенило, что час ПИК настал!..

Сейчас, когда вышел сборник моих ранних произведений, куда включена и эта киноповесть, давшая название сборнику, и Читатель волен ознакомиться с ней, душа наконец-то обрела покой и я смог приступить к выполнению своего обещания.

Прежде чем начать, я обращаюсь к тем Читателям, которые приобрели книгу «НЕ БЛАГОДАРЯ, А ВОПРЕКИ...» (готовится переработанное издание под названием «ВЗЛЁТЫ И ПАДЕНИЯ ОТЦА БЕШЕНОГО») и заинтересуются книгой «ТЮРЬМЫ ОТЦА БЕШЕНОГО» (в переработанном виде представлена в этом издании под названием «СЕМЬ ЛЕТ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ»), Я заранее прошу у них извинения за то, что мне невольно придётся повторить некоторые факты, изложенные в первой из них – в противном случае Читателю, незнакомому с опубликованной историей жизни Автора, многое будет непонятным. Тем не менее хочется заверить Читателей, прочитавших книгу о моей жизни, что даже в уже известных им эпизодах они найдут нечто новое, ведь человеческая память – не компьютер и имеет удивительное свойство выдавать минувшее не сразу, а по крупницам, словно цепляясь то за один узелок, то за другой.

Автор заверяет Читателя, что, как и в книге «НЕ БЛАГОДАРЯ, А ВОПРЕКИ...», всё написанное им соответствует реальным событиям не столь и далёкого прошлого.

Единственным отклонением от правды будут только иногда вымышленные фамилии некоторых участников этих событий, причём вовсе не потому, что я решил пощадить репутации их или их близких. Дело в том, что вести дневники и вообще делать записи в тюрьме и на зоне было строжайше запрещено, по крайней мере в те времена, а память, к огромному сожалению, не сумела сохранить все фамилии из прошлого.

Автору хочется коротко отчитаться перед Читателем за время, прошедшее после выхода книги о моей жизни...

Сейчас издано 46 книг, среди которых – двадцать пять романов о Бешеном!.. В одном из этих романов Автор предсказал отставку по собственному желанию Первого Президента России и предположил, что именно В. В. Путин станет следующим Президентом, предугадал и то, что для свободы слова в России наступают сложные времена!..

Но второй очень важной книгой стал «КАПКАН БЕШЕНОГО», вышедший в двух томах... Почему я выделяю эту книгу? Да потому что она, несмотря на то что была написана в 1998 году, попала под запрет Органов Госбезопасности и увидела свет только лишь через 20 лет! Но об этом со всеми подробностями я расскажу при их издании...

От всей души хочется, чтобы эта книга получила Ваше одобрение и заставила Читателя не только переосмыслить отношение к Автору, но и переосмыслить своё место в своей стране! Нескучной Вам жизни, дорогие мои Читатели! Вы все мне очень дороги...

Итак...

Семь лет за колючей проволокой

Всем узникам совести, несправедливо осуждённым, ПОСВЯЩАЮ

Глава 1

Всё началось в Ленинграде

*О Господи, ну дай же мне прощенье:
Я выстрадал почти совсем как ты!
Все боли вынес, голод, наущенья,
Чтоб выйти в мир забот и суеты...*

В то время, о котором пойдёт речь, я окончил ВГИК – режиссёрскую мастерскую Е. Л. Дзигана, уникальную по интернациональному составу. Ирэн Тенес из Франции, работавшая после окончания ВГИКа с великим режиссёром Антониони. Рыжий парень Раймо О. Ниemi из Финляндии, ставший впоследствии одним из самых известных в своей стране режиссёров.

Ян Прохазка из Чехословакии, возглавивший одну из программ телевидения в Праге. Немец Ганс Мюллер, ныне один из вице-президентов «Гринпис». Узад Дахман из Алжира, уверявший нас, что его отец – пастух, тогда как на самом деле он был одним из богатейших людей Алжира.

Мурад Оморов и Сергей Шутов из Казахстана. Джангир Шахмурадов из Таджикистана и Борис Горошко из Белоруссии.

Посчастливилось мне получать высшее режиссёрское образование и со многими будущими звёздами российского кино: в нашей мастерской учились тогда Владимир Грамматиков, возглавлявший недавно Студию имени Горького, Александр Панкратов-Чёрный, Николай Лырчиков и другие...

При помощи Г. М. Алёшечкина – начальника Управления кадров Госкино СССР – я после многочисленных отчаянных попыток самостоятельно устроиться на одну из московских киностудий был направлен на стажировку на «Ленфильм», в распоряжение директора киностудии Виктора Блинова.

В первых числах декабря 1973 года я был зачислен в киногруппу телефильма «Сержант милиции» в качестве режиссёра-стажёра и на целый год покинул Москву.

Работа мне очень нравилась, и я с головой окунулся в режиссуру, тем более что режиссёр-постановщик этой картины – Герберт Морицевич Раппопорт – предоставил мне отличную возможность самостоятельных профессиональных действий. Я выбрал один из эпизодов картины, связанный с активной погоней доблестной милиции за преступниками, сделал режиссёрскую разработку этого эпизода, которую утвердил Раппопорт, и самостоятельно снял свою первую небольшую работу на профессиональной студии, с профессиональными мастерами своего дела. И очень горжусь тем, что именно моя интерпретация и вошла в окончательный вариант фильма.

Меня просто распирала гордость от собственной значимости, и хотелось горы свернуть. Мне казалось, что я уже вырос из режиссёров-стажёров, и когда Глеб Панфилов, снимавший в то время фильм «Прошу слова», предложил мне заменить заболевшего второго режиссёра, я согласился, не раздумывая, чтобы лишний раз приобщиться к любимому делу и понаблюдать за работой великого мастера.

Потом меня заметил Владимир Мотыль, готовившийся снимать фильм «Звезда пленительного счастья». И я горжусь тем, что, во-первых, Владимир Яковлевич предлагал мне роль императора «всёя Руси» – Николая I. Которую, к своему огромному сожалению, я не смог сыграть, поскольку был занят на съёмках телефильма «Сержант милиции», а во-вторых, тем, что моё предложение взять на роль молодого Анненкова моего давнего протеже Игоря Косталевского с благодарностью было принято Владимиром Яковлевичем. До сих пор считаю эту роль Игоря одной из самых значительных в его актёрской биографии.

Однако всех этих занятий мне было мало, душа требовала чего-то ещё, и я взялся сочинять собственный киносценарий, который по ходу дела вылился в небольшую киноповесть. Свое первое серьёзное произведение я многозначительно назвал «ДЕНЬ, прожитый завтра...».

Вероятно, во мне что-то назревало и мешало спокойно жить: в этом произведении я пофантазировал о том, что коммунистическая партия в нашей стране развалилась и к власти пришла военная хунта.

Сейчас, обладая знанием того, что в действительности произошло в СССР, мне трудно объяснить, откуда взялась такая необычная тема. Ясно одно: меня как творческого человека, да просто как человека, не устраивало то, что творилось в стране, в которой мне выпало жить.

Две вещи неподвластны человеку – выбор своих родителей и Родины.

В то время я сблизился с тогдашним главным редактором «Ленфильма» – Дмитрием Молдавским и после некоторых колебаний, наверняка интуитивно сознавая, что написанное мною, мягко говоря, не соответствует тогдашним стандартам, тем не менее дал ему прочитать своё творение.

Прочитал он довольно быстро и уже на следующий день предложил встретиться. Молдавский сказал, что киноповесть поразила его настолько, что он почти всю ночь не спал (до сих пор жалею, что не спросил тогда, почему он не спал: из-за того, что его поразили сюжет повести, или из-за того, что обдумывал, когда меня заложить Органам – сразу по прочтении или после разговора со мной?), а потом он произнёс сакраментальную, провидческую фразу:

– Слушай, Виктор, ты либо гений, либо тебя скоро посадят!

Я рассмеялся, услышав такую оценку моего труда, но...

Но через день в снимаемую мною квартиру пришли трое в штатском в сопровождении упитанного капитана милиции.

– Доценко Виктор Николаевич?

– Так точно! – весело ответил я, не понимая причины появления этих «мушкетёров» с нелепо толстым «Портосом» во главе.

– Предъявите ваш паспорт! – не обращая на моё возбуждённо-радостное настроение никакого внимания, попросил капитан.

– Может быть, вы объясните мне цель вашего визита? – С трудом стерев с лица дружелюбную улыбку, я попытался воззвать к правовому сознанию пришедших незнакомцев.

– Паспорт! – рявкнул один из штатских, сверкнув стальной фиксой на правой стороне челюсти. – Или не расслышал? Может, тебе уши прочистить?

– Хорошо, товарищ капитан, я дам вам паспорт, но потом, надеюсь, вы мне объясните цель вашего визита! – даже не взглянув в сторону грубияна в штатском, стараясь сохранить достоинство, ответил я.

Не без труда вспомнив, где он лежит, я протянул паспорт капитану, который внимательно просмотрел его, убедился в наличии штампа временной прописки, после чего выразительно пожал плечами, взглянув на того штатского, что был постарше остальных. Потом я понял, что этим жестом капитан сообщал, что со стороны милиции ко мне нет никаких претензий, а потому предлагал старшему группы в штатском действовать самому.

Тот, не изменив безразличного выражения лица, кивнул своим коллегам:

– Приступайте к обыску!

– К какому обыску?! – удивленно воскликнул я. – На каком основании? Где ордер, подписанный прокурором?

– Вы посмотрите, товарищ майор, уголовник-то пошёл грамотный! – с ехидцей заметил «фиксатый».

– Достаточно грамотный для того, чтобы знать, что для обыска частного жилья нужно иметь ордер, подписанный прокурором! И называть меня уголовником вы не имеете никакого

права! – огрызнулся я. – И пока вы не предъявите мне ордер на обыск, я вам не позволю рыться у меня в комнате! – решительно заявил я и встал у них на пути.

(Наивный был тогда – нашёл с кем права качать!)

– Капитан, разберитесь! – брезгливо бросил старший в штатском. Видимо, ему не очень понравилось моё определение их действий: «рыться».

– Напрасно ты так, Доценко! – с неким сожалением вздохнул и покачал головой капитан милиции.

Ему явно не нравилось делать то, к чему его подталкивал старший в штатском и некоторым образом я сам своим непокорным поведением.

Реакция была быстрой и весьма эффективной, эти ребята не зря получали свою зарплату. Чётко и профессионально заломив мне руки за спину, они сцепили правую кисть наручником.

– Вы что, чокнулись здесь все? – вскричал я и попытался оказать сопротивление: как-никак, а мои восемьдесят пять килограммов и звание Мастера спорта по десятиборью представляли такие возможности.

Однако лучше бы я этого не делал: несколько профессионально направленных ударов по корпусу мгновенно не только сбили мне дыхание, но и ослабили желание сопротивляться. Меня подтащили к окну, насильно заставили опуститься на пятую точку и пристегнули вторую часть наручника к нижней трубе отопительной системы.

– Между прочим, точно так поступали и фашисты! – никак не желал успокоиться я.

– Ещё вякнешь что-нибудь подобное, и я тебе почки отобью! – как-то уж слишком спокойно, словно делаясь чем-то обыденным, тихо проговорил «фиксатый».

– Хватит, старлей, займитесь делом! – строго приказал старший в штатском. – А вы, Виктор Николаевич, лучше помолчите, если не можете сдерживать свои эмоции! Грубостью вы только себе навредите! – вполне вежливо обратился он ко мне.

– Вы из Госбезопасности? – поинтересовался я.

– Догадались? – чуть заметно ухмыльнулся он. – Тогда не мешайте нам работать!

– Могу я задать один вопрос? – никак не мог успокоиться я.

– Только один!

– Разве сотрудники Комитета Государственной Безопасности имеют право вторгаться в квартиру к добропорядочным гражданам и обыскивать её, не имея на руках никаких документов?

То, что я услышал в ответ, заставило меня надолго задуматься...

– Собственно говоря, вы должны благодарить нас за то, что мы пришли без каких-либо прокурорских санкций, – устало проговорил он и пояснил: – Без санкций для вас, возможно, всё ещё обойдётся, а с ними, то есть когда делу уже дан официальный ход, точно бы лишились свободы. Так что сидите молча и молитесь, что на каком-то этапе в отношении вас произошёл незапланированный сбой и нас направили к вам без санкций.

Несколько часов, пока шёл обыск, я мучительно размышлял над словами старшего в штатском, пытаюсь отыскать в них потаённый смысл, но только через много лет, когда нечто подобное повторилось с совершенно другими последствиями, я сумел по достоинству оценить справедливость этих слов и даже запоздало мысленно поблагодарить его за них.

Но до этого осознания нужно было ещё дожить...

За несколько часов обыска набралась такая куча бумаг, что работники Органов при всем желании не могли втиснуть их в прихваченные ими три портфеля. Выход из дурацкого положения нашел милицейский капитан.

Заметив на кухне ополовиненный мешок с картошкой, он спокойно высыпал клубни на пол, для порядка потряс им, подняв такую пыль, что едва сам не задохнулся, и принёс мешок в комнату.

– Пойдёт? – спросил капитан старшего.

– Лучше же всё равно не найдёте, – отмахнулся тот.

И в картофельный мешок стали аккуратно складывать мои рукописи, наброски сценариев, записи по стажёрской работе режиссёра и вообще всё, что им встретилось, написанное рукой или напечатанное на машинке.

Когда обыск был наконец закончен, меня отстегнули от батареи, «фиксатый» снял с меня наручник, сунул себе в карман, потом подхватил один край мешка, его коллега – второй, и они направились к выходу, за ними двинулись и капитан милиции со старшим в штатском.

Сообразив, что меня действительно не арестовывают, я немного воспрял духом.

– Извините, старшой, а к кому обращаться, чтобы вернули мои рабочие записи? – спросил я.

– Вот, звоните по этому телефону, – ответил он, быстро написав номер на бумажке.

– Надеюсь, что по нему кто-то ответит, – пробурчал я как бы про себя.

– Не сомневайтесь... – усмехнулся тот. – До свидания.

– Лучше прощайте... – совсем осмелел я.

Когда они ушли, я взглянул на часы: восьмой час вечера. Звонить по выданному мне телефону было явно поздно, и я отложил проверку на завтра.

Почему-то я был уверен, что врученный мне номер телефона принадлежит какому-нибудь следователю, который, услышав, кто звонит, начнёт «качать права».

Настроившись именно на такой приём, в девять тридцать утра я набрал номер, после того, как безо всякого интереса проглотил свою любимую глазунью с ветчиной.

Я был крайне удивлён, услышав довольно приятный молодой женский голос, вежливо оповестивший:

– Приёмная начальника УГБ по Ленинградской области полковника Надсона... Кто вы и по какому вопросу звоните?

Если бы не легко запоминающаяся и довольно редкая для СССР фамилия – Надсон, она вряд ли сохранилась бы в моей памяти:

– Я могу переговорить с товарищем полковником?

– Назовитесь, пожалуйста, – вежливо предложил голос.

– Режиссёр Доценко Виктор Николаевич!

– Минутку, Виктор Николаевич...

В первом издании этой книги, когда я представил рукопись Издателю, мне «посоветовали» не упоминать об эпизодах знакомства с будущим Президентом России, но сейчас, во втором издании, я решил написать, как всё было...

«Минутка» несколько затянулась, и я уже подумал, что сейчас секретарша передо мной извинится и распрощается, но в трубке раздался приятный баритон.

– Доброе утро, Виктор Николаевич, здравствуйте, вы хотите со мной встретиться? – спросил приятный баритон и, не дожидаясь ответа, неожиданно предложил: – Через час вас устроит?

– Да, конечно... – тут же согласился я...

Ровно через час я уже подошёл в его приёмную, и секретарь попросила меня чуть подождать...

Вскоре дверь его кабинета распахнулась, и оттуда вышел Надсон с каким-то молодым человеком:

– Вот, Владимир, это и есть тот самый молодой режиссёр-стажёр, о повести которого я вам и рассказывал, Виктор Доценко...

– А мне понравилось! – улыбнулся он. – Легко читается...

Попрощавшись, он ушёл, а Надсон пригласил меня в свой кабинет.

Я вдруг решил спросить:

– А кто этот молодой человек?

– Понравилось, как он вас поддержал? – подмигнул он и тут же добавил: – Это Володя Путин, мой стажёр, студент юрфака ЛГУ... но вернёмся к вашей киноповести... Владимир прав: действительно читается легко! Но... – Он сделал паузу и уже серьёзным тоном проговорил: – Если вы хотите, чтобы у вас в будущем не возникало никаких проблем и вы спокойно продолжали бы работать на воле, анев других местах, как говорится «не столь отдалённых», советую сменить тематику вашего творчества!

В его тоне не было ни раздражения, ни угрозы, можно было подумать, что старший товарищ даёт дружеский совет младшему...

– Вам что, недостаточно письма, полученного вами из-за границы?

Здесь необходимо пояснение для тех Читателей, которые не имели возможности ознакомиться с романом «Отец Бешеного».

Полковник Надсон напомнил мне о письме моего родного отца, уехавшего из СССР ещё до моего рождения. Тогда я учился в Высшем техническом училище имени Баумана на первом курсе. Письмо принёс нарочный, вызвав меня из общежития. На конверте был обратный адрес в Лос-Анджелесе, и в нём, кроме нескольких листочков с убогим текстом, имелось пятьсот долларов.

Отец писал о том, что он столько лет разыскивал меня и наконец нашёл, где я проживаю, мечтает со мною встретиться, чтобы наладить отношения. Очень сожалеет, что не имел возможности помочь мне, и сейчас посылает немного денег как бы для проверки, получу ли я их.

Мне до сих пор непонятно, каким образом в Органах госбезопасности узнали об этом письме, тем не менее вскоре я был вызван на Лубянку, где некий полковник, фамилия которого мне не запомнилась, продиктовал мне ответное письмо отцу и забрал присланные им пятьсот долларов. Тон письма был таким дерзким и обидным, что, если оно и дошло до него, вряд ли отцу захотелось бы продолжать общение со мной. Доллары, естественно, были реквизированы, наверняка в доход семьи полковника...

Именно на это письмо и намекал полковник Надсон. То ли случайно, а скорее всего, намеренно он давал мне понять, что с того злополучного письма моя персона и попала под пристальное внимание Органов...

– Я доходчиво вам говорю? – со значением спросил полковник.

– Более чем! – вздохнул я.

– Вот и ладненько... Надеюсь, мне не придётся слышать о вас в подобном контексте? Всего доброго!..

Тон его голоса не слишком-то соответствовал пожеланию, высказанному им в конце.

Это был уже второй звоночек, предупреждавший о пристальном внимании ко мне со стороны Органов КГБ, но я был молод, беспечен и всё в моей жизни складывалось так удачно, что я отнёсся к этому сигналу несерьёзно, а напрасно...

Прошло много-много лет...

...и «тайное стало явным»...

Я ещё не был известным режиссёром и писателем, и моя фамилия вряд ли заставляла кого-то задуматься: «Где я её слышал?» – но буквально через несколько дней после окончания августовского фарсового путча 1991 года мне позвонил незнакомый мужской голос:

– Виктора Николаевича Доценко можно?

– Вы с ним разговариваете.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Вы – режиссёр?

– Да, – ответил я, не понимая, кто звонит и почему интересуется моей профессией.

– Кажется, вы и писатель?

– Вроде бы да... – Я удивился ещё больше.

– Скажите, вы сидели в тюрьме?

– Да, сидел, но кто, чёрт возьми, интересуется моей биографией? – недовольно воскликнул я.

– Вас беспокоит редактор программы «Времечко». Дело в том, что нам позвонил бывший полковник КГБ и рассказал, что более десятка лет вы находились в его разработке, а потом он вас посадил. Сейчас этот человек лежит в госпитале в очень тяжёлом состоянии, и груз вины перед вами настолько его тяготит, что ему захотелось перед смертью покаяться перед вами. Разыскать вас он не сумел, потому и позвонил в программу. Эта история показалась нам очень интересной, но настолько неправдоподобной, что мы решили разыскать вас и прояснить лично у вас, как говорится, из первоисточника... Скажите, Виктор Николаевич, вы не возражаете против того, чтобы дать нам интервью?

– А тот полковник?

– От интервью он отказался наотрез, а вы?

– Я – не откажусь...

Через пару дней ко мне приехала группа из программы «Времечко», и получилась очень неплохая передача...

Тогда, сразу после баррикад у Белого дома, мне не захотелось прощать полковника, отбравшего у меня около семи лет, причём в самый ответственный период жизни – творческого подъёма и становления человека. Кстати, после того как передача прошла в эфире, мне позвонили и сказали, что полковник смотрел её, благодарил программу за выполненное обещание и на следующий день скончался во сне, словно только непокаянность передо мною и удерживала его на этой земле...

Сейчас, когда прошло столько лет с тех трёх баррикадных дней, во время которых погибли за демократию трое молодых людей, а страна погрузилась в такую грязь и пошлость, что становится тошно, и при мысли же о Государственной думе возникает только раздражение, а то и негодование. Мне пришло в голову, что я не имею права держать зло на того полковника и просто обязан его простить. Мне даже стало его жалко: столько лет свято верить, что Органы и партия не могут ошибаться, и в одночасье потерять эту веру. Это действительно страшно!..

Во всяком случае, тот полковник достоин уважения хотя бы за то, что у него хватило мужества признаться, что служил неправому делу, и достало совести покаяться хотя бы перед смертью...

Пусть земля тебе, полковник, будет пухом...

Интересно, где вы сейчас, полковник Надсон? Пришло ли к вам покаяние, как к вашему коллеге? Поняли ли вы, что служили «идолу на глиняных ногах»?

Вряд ли...

После стажировки на «Ленфильме», на трёхсерийном телефильме «Сержант милиции», я вернулся в Москву с хорошей творческой характеристикой, горящими глазами и огромным желанием работать. Почему-то я полагал, что сейчас, после того как все увидят мою работу на фильме, на меня посыплются предложения со всех сторон. Какой же я был наивный! У меня не было известного папы или мамы, не было «мохнатой лапы» среди тех, кто мог подтолкнуть меня и придать ускорение моему творческому развитию.

«Доценко? А кто такой Доценко? Просто талантливый режиссёр, говорите? У нас в стране все талантливы! А если он ОЧЕНЬ талантливыйто рано или поздно сам пробьётся...»

Мне кажется, так или примерно так происходил разговор обо мне, если вдруг кто-то решался по доброте душевной напомнить мою фамилию в Госкино СССР или на одной из студий страны. А мне даже негде было жить в то время. Если с пропиской вопрос был решён при помощи всё той же Тамары, начальницы паспортного стола из одного подмосковного села (дай Бог ей здоровья: сделала временную подмосковную прописку, дававшую право жить и

работать в Москве), то сложнее было с местом проживания: оставалось дело за малым – найти себе жильё.

И вновь помог Господин Случай, подарив мне встречу с одним однокашником по спорту, который порекомендовал мою кандидатуру районным властям на должность педагога-воспитателя: в то время была такая должность при ЖЭКах. И вскоре я был направлен в ЖЭК-7 на улице Станкевича с предоставлением служебной жилплощади.

В мои обязанности входило создание детской спортивной команды: летом – футбольной, зимой – хоккейной. Короче говоря, нужно было сделать всё возможное, чтобы отвлечь «трудных» подростков от преступных уличных шалостей, могущих привести в колонию для несовершеннолетних. Должен заметить, что это было одно из самых полезных изобретений того времени, таких команд явно сейчас и не хватает...

Занимаясь с детишками по вечерам, днём я продолжал бороться за своё место под солнцем в советском кинематографе. Но всё было тщетно, а чтобы прожить нормально, не шикую, тех несчастных семидесяти рублей, получаемых в качестве зарплаты педагога-воспитателя, было конечно же недостаточно. Именно тогда у меня и появилась мысль попробовать себя в качестве журналиста.

Думаю, я был не самым плохим журналистом, по крайней мере мои исторические эссе о старой Москве, статьи о фотографиях В. И. Ленина, расшифровками которых занимался мой сосед по лестничной площадке – генерал Михаил Петрович Ерёмин. Он пытался восстановить имена тех людей, кто был сфотографирован рядом с Вождём. Позднее я снял на ЦСДФ о нём фильм – «Рядом с Лениным»... А также статьи о двухлетней Одиссее почти восьми сотен детей революции, мотавшихся вокруг света, чтобы вернуться к родителям, которые отправили их из Москвы и Питера в «хлебные» районы СССР, нередко признавались «статьёй недели», «статьёй месяца», а тои «статьёй года», но мне кажется, что они не для этой книги. Другое дело художественно-публицистическая проза.

Для того чтобы вы, мой уважаемый Читатель, познакомились и с «другим» Доценко, я рискую включить в своё повествование и стихи, написанные в разные периоды моей жизни. На мой взгляд, лирика наиболее концентрированно доносит до слушающих и читающих людей внутренний мир и внутреннее состояние Автора.

Кроме того, мне хочется познакомить моего Читателя со своими небольшими формами художественно-публицистической прозы. Очень надеюсь, что вас не разочарует и такой Доценко.

Признаюсь, желание представить вашему вниманию малые формы моего литературного творчества возникло вовсе не из-за стремления потешить собственное самолюбие! А по гораздо более серьёзным причинам: мне важно, чтобы мой Читатель понял, до какой степени убогости дошла наша страна, которой управляли такие типы, безжалостно сажавшие в тюрьму достойных людей, к которым, надеюсь, имеет честь принадлежать и ваш покорный слуга.

Оговорюсь, что представляю эти малые литературные формы вашему вниманию именно в том виде, в котором они были опубликованы в различных столичных газетах в те годы.

Если Автор убедил вас, то прочитать их можно в приложении к данной книге...

Глава 2 Моё кино

*Лёд на реке ломает март!
Апрель – как «Вор в законе»!
Ильдины кучей битых карт
Разбросаны в затоне...*

В какой-то момент я было совсем отчаялся и подумал, что «большого кино» мне не видать как своих ушей. Но тут я повстречался с Виктором Георгиевым, который, узнав о моих мытарствах, предложил мне поработать вторым режиссёром, то есть «начальником штаба», в его съёмочной группе на фильме «Большой аттракцион».

С какими замечательными актёрами, большими мастерами советского искусства, посчастливилось мне тогда работать на съёмочной площадке!.. Нестареющий Сергей Мартинсон, великий Михаил Пуговкин, прекрасная и удивительная Наталья Варлей, мощный Гунар Цилинский, уникальный фокусник Акопян-старший, забавный Савелий Крамаров, при воспоминании о котором мгновенно приходит в голову старый анекдот, который он любил рассказывать сам о себе.

«Сержант перед строем солдат командует: „Надеть противогазы!“ Все надели. „Снять противогазы!“ Все сняли. „Рядовой Крамаров, почему не снял противогаз?“ – „Я снял!“ – „Ну и рожжа...“».

А сколько прекрасных, фигуристых девушек снималось в той картине: и балерины из труппы Натальи Касаткиной и Владимира Василёва, и большая группа танцовщиц из цирка и циркового училища!

А сколько забавных историй рождалось во время съёмок на Черноморском побережье, где мы снимали более четырёх месяцев, и в Москве. Но в этой книге не стоит их повторять, а кто заинтересуется этими историями, сможет ознакомиться с ними в книге «Взлёты и падения Отца Бешеного».

После съёмок фильма «Большой аттракцион», не имея других предложений в кино, я всерьёз увлёкся телевидением. Вышло так, что я сблизился с режиссёром Евгением Гинзбургом, который в то время работал в музыкальной редакции и снимал не только популярную передачу «Артлото», но и почти все новогодние «Голубые огоньки». Я стал у него вторым режиссёром. Именно тогда я познакомился с такими удивительными будущими звёздами кино и телевидения, как Лариса Голубкина, Фёдор Чеханков и Людмила Сенчина...

Чуть позднее, в восьмидесятом году, Евгений Гинзбург пригласил меня поработать на телефильме «Бенефис Гурченко». Вполне естественно, во время съёмок я во все глаза наблюдал за поразительно талантливой актрисой Людмилой Гурченко, познакомился с необыкновенным Марисом Лиепой, с обаятельным Александром Ширвиндтом, и именно с этого фильма началась наша трогательная дружба с фантастическим киноартистом Арменом Джигарханяном, которая продолжается до сих пор.

К огромному сожалению, время беспощадно, и среди нас уже нет великого танцора Мариса Лиепы, но память о его уникальном мастерстве, умении доставлять людям радость я сохраню навсегда, как, уверен, и весь бывший советский народ...

Великие мастера, с которыми мне посчастливилось работать, и вселили в меня надежду, что и у меня обязательно всё получится. Я поверил в себя и настойчиво продолжал вежливо «тыкаться» в любые двери, набивая и набивая на своём лбу шишки.

Почему-то пришло на память стихотворение, написанное в один из таких потраченных впустую дней:

Кто ты?

Что несёт с собой жёлтая осень?
Ветер, дождь, укороченный день...
Всё, о чём-то кого-то мы просим,
Превратив своё сердце в мишень.

Просим ласки, как старые звери,
В одиночество бьём кулаком.
Как несмело скребёмся мы в двери...
Но кому их привратник знаком?

Объяснять, что мы все не знакомы?
Это скучно. Не скучно ли вам?
Разве мне разрушать аксиомы?
Мне ль стоять по холодным углам?

Но порой... Боже, как надоело
Лоб кровавить дверным косяком!
Вновь стучаться – наивно, несмело...
Никогда не идти – напролом!..

Я терпеть не могу любой несправедливости и всегда бросаюсь на помощь любому человеку, попавшему в беду. У меня хватает наглости и упорства добиваться того, что необходимо другу или близкому человеку. Прямо скажем, непростая моя жизнь научила меня как минимум постоять за себя, за свою честь и достоинство. Людям, на них посягнувшим, я не даю спуска.

Зная себе цену, буду до конца биться за то, что мне положено по праву. Вообще я по жизни максималист: всё или ничего! И по-другому я никак не хотел, вполне вероятно, что это чувство во мне живёт до сих пор. Может быть, мне нужно было потихонечку, полегонечку, по шажку, по шажочку...

Мы продолжали общаться с Виктором Георгиевым и после завершения работы над фильмом «Большой аттракцион». От кого-то он услышал удивительную историю о партизанке Савельевой, которая во время Отечественной войны повторила судьбу Жанны д'Арк. Фашисты сожгли её на костре!.. За то, что она выкрала контейнер с отравляющим газом и сумела передать его по цепочке советскому командованию, став в ряд тех бойцов невидимого фронта, которые вынудили Гитлера отказаться от применения в войне отравляющих веществ.

Этой историей Виктор Георгиев настолько поразил меня, что я с головой окунулся в сборы материала.

Удалось выяснить, что Савельева была в партизанском соединении легендарного генерала Фёдорова, который в 1975 году стал министром социального обеспечения Украины.

Однажды я узнал, что генерал Фёдоров будет в Москве на параде в честь Дня Победы. Умолчу о том, каких трудов мне стоило прорваться в тот день на Красную площадь, до сих пор самому с трудом верится, что удалось это повернуть, да ещё и пробраться на Центральную трибуну Мавзолея.

Протискиваясь сквозь радостных ветеранов, я всё-таки разыскал генерала Фёдорова, настоял на знакомстве и коротко рассказал о нашем сценарном проекте. Вероятно, мои горящие глаза и неистребимая вера убедили легендарного генерала, и он назначил мне встречу для серьёзной беседы на следующий день, десятого мая, у себя в номере гостиницы «Россия».

День принёс такую удачу, что я нёсся с Красной площади, словно на крыльях: я был уверен, что этот легендарный человек при желании может очень помочь в воплощении нашего с Виктором Георгиевым замысла.

В то время я, в силу бытовых обстоятельств, сблизился – нужно было починить дорогостоящий магнитофон, – с мастером по ремонту западной аппаратуры Олегом Чулковым. Он казался настолько участливым и дружелюбным, что я доверился ему как близкому другу.

Услышав, что я встречаюсь с генералом Фёдоровым, он так настойчиво просил взять его с собой, что я не сумел ему отказать.

Десятого мая мы пришли в гостиницу «Россия» в назначенное время – три часа дня. Легендарный генерал, о котором я столь много слышал в детстве и читал его книги, встретил нас в семейных трусах.

Несколько удивлённый, я извинился и предложил обождать за дверью, но Фёдоров широко улыбнулся:

– Тебя, Виктор, смущает вид боевого генерала в трусах?

– Нет-нет, просто я думал, может, вам... неудобно... как-то, – выпадая в осадок, пролетел я первое, что посетило мою бедную головушку.

– Слышишь, мать? – весело крикнул Фёдоров в сторону спальни, из которой тут же появилась его дородная и статная супруга. – Молодой человек, оказывается, за меня стесняется!

– Ну и оделся бы, – с доброй улыбкой поддержала меня длинноволосая матрона. – Не все же люди партизанили с тобой, – пошутила она и повернулась к нам: – Извините, пожалуйста, что оставляю вас, но мне нужно кое с кем встретиться в городе. Обещала...

Она чмокнула супруга в щеку, попрощалась с нами и царственной походкой выплыла из номера.

В тот момент мне подумалось, что именно такая жена и должна быть у боевого генерала.

Несколько часов мы провели с этим удивительным человеком, который столько рассказал нам о своём военном прошлом, что у меня голова пошла кругом от интереснейших историй.

Выйдя из гостиницы где-то в восьмом часу вечера, мы почувствовали, что очень проголодались. Отправились перекусить в кафе «Печора» на Калининском проспекте.

В праздничный вечер свободных столиков не было, но я, используя, всё своё обаяние и потратив около часа на уговоры администратора, всё-таки добился, что нас посадили на свободные места в сугубо девичью компанию; девушки не возражали. Тут я заметил рядом совершенно свободный столик, но официантка заверила, что он заказан предварительно, и через несколько минут его действительно заняли четверо парней. Мне показалось, что одного из них я уже где-то видел, но... почему-то не акцентировал на этом своё внимание...

Девчонки были компанейскими, а когда я представился, то даже обрадовались такому соседству. Очень удивились, услышав, как мы заказываем первое, второе и третье и не заказываем ничего спиртного. Пришлось объяснить причину нашего поведения. И сразу посыпались вопросы о нашей встрече с легендарной личностью.

Вполне вероятно, молодые Читатели не поймут, что четверть века назад в день Праздника Победы люди, отмечая эту важную дату в кафе или ресторане, очень часто пели патриотические песни. Причём не по принуждению или под воздействием алкоголя (как вы уже знаете, мы с Олегом вообще не заказывали спиртного, у девушек же на четверых была лишь одна бутылка сухого шампанского, из которой они нам символически плеснули для тоста по глотку], а в силу действительно патриотического настроения. Такова правда нашей истории: историй моей и Страны Советов.

Пели мы и про Красную армию, и «Каховку», и даже «Вставай, проклятьем заклеймённый...». Другие компании пели свои песни, а иногда присоединялись и к нам. Всех удивительным образом объединял какой-то особый душевный подъём праздника...

Вдруг за соседним столиком, где сидели те самые четверо парней, которым на вид было вряд ли больше чем тридцать лет, громко раздался отборнейший мат, причём откровенно направленный в сторону нашего стола...

Мне бы в тот момент задать себе несколько простых вопросов:

«Во-первых, почему именно в сторону нашего столика направлена эта грубость?»

Если им не нравится наше пение или репертуар, то и за другими столиками пели не лучше нас, да и репертуар не очень сильно отличался от нашего...

Во-вторых, почему эта компания в праздничный вечер ничего не заказала из закусок и лишь накачивалась вином?

И, наконец, в-третьих, почему мне показалось знакомым лицо одного из них?..»

Уже пребывая в камере Бутырского централа, как-то во сне я увидел лицо этого человека и вспомнил, откуда я его знаю. Этот парень присутствовал во время обыска в Ленинграде, да к тому же я заметил его у выхода из гостиницы «Россия». Вероятно, пока я убалты-вал администратора пропустить нас, они и заказали столик. Почему я не вспомнил об этом вовремя?

Если бы я задал себе эти вопросы или вспомнил, где видел его, естественно, сразу бы сообразил, что к чему, инив коем случае не поддался на их провокацию.

Но... этих вопросов, к своему великому сожалению, я не задал. Более того, мне и в голову не могло прийти, что произойдёт далее, я даже не снял своих дымчатых итальянских очков, кстати, весьма дорогих.

Чувствуя некоторую вину перед девушками, я встал, подошёл к этим парням и, находясь в совершеннейшем благодушии и прекрасном настроении, обратился к ним:

– Ребята, Праздник Победы, девушки вокруг, все веселятся, а вы матом...

Не успел я договорить, как тот, что сидел ближе ко мне, встал, как мне показалось, с намерением извиниться – его улыбка и ввела меня в заблуждение – и неожиданно хрястнул меня бутылкой по лицу. Очки разлетелись на кусочки, и моё лицо залило кровью.

Каким-то чудом, видно благодаря очкам, глаза остались целыми. Что делать? Естественно, защищаться! Не подставлять же себя под следующий удар? Мой противник, явно недовольный, что я устоял на ногах, вновь замахнулся бутылкой, но я уже успел оклематься и так саданул его в подбородок коротким хуком, что его отбросило на их же столик.

Я был уверен, что с тыла мне ничего не угрожает, ведь там же находился мой приятель Олег. Сколь же я был наивен! Олег даже не встал, чтобы прийти мне на помощь, чем моментально воспользовались дружки моего противника. Один таки разбил о мою голову бутылку (ещё повезло, что она не оказалась пустой: мог бы и на тот свет отправиться), а двое других принялись обрабатывать меня в четыре кулака.

Мне удалось сбить одного из них с ног, каким-то чудом вырваться из этой «молотилки» и побежать к лестнице, ведущей на первый этаж. Меня дико тошнило, и сильно кружилась голова.

Тут я увидел милиционера и бросился к нему.

– Мне разбили голову... Они на втором этаже... Арестуйте их! – выкрикнул я и потерял сознание...

Пришёл в себя уже в отделении милиции. Огляделся, за столом сидели парень, который разбил мне очки, и один из его приятелей, но не тот, что ударил меня бутылкой по голове. Они что-то дружно строчили шариковыми ручками.

– Очнулись? – участливо спросил дежурный майор. – Можете писать?

– Нет, мне плохо... – с трудом шевеля языком, ответил я и спросил: – А где мой приятель, Чулков Олег, где свидетели?

– Наверное, ещё не добрались... – Майор почему-то смутился и торопливо добавил: – Лейтенант, который вас привёз, просил свидетелей прийти самостоятельно.

– Самостоятельно! – воскликнул я и тут же ойкнул от боли.

– Сейчас вас заберёт «скорая», я вызвал...

В больнице меня продержали трое суток. Кроме болей в голове я жаловался на боль в боку, от которой не только кашлять, даже дышать было больно. Когда мне сделали рентген, оказалось, что у меня трещина в третьем ребре с правой стороны: видно, в драке кто-то саданул мне, а я в пылу борьбы и не заметил. Врач заверил, что делать ничего не нужно, со временем само пройдёт, но болеть будет долго, по крайней мере не меньше месяца.

В больнице уже на второй день меня навестил дознаватель, задавший мне кучу вопросов, которые вместе с моими ответами подробно и тщательно зафиксировал в протоколах, после чего попросил расписаться на каждом листке. Дознаватель заверил, что мои обидчики будут наказаны по статье о злостном хулиганстве.

Прошла пара недель, и вдруг ко мне в служебную комнату, выделенную ЖЭКом, заявляются трое сотрудников милиции и предъявляют обвинение по статье «хулиганство», статья 206 УК РСФСР, часть первая (до года лишения свободы), после чего готовятся надеть наручники.

– Может, разрешите переодеться? – спросил я. – Не могу же я ехать в домашней одежде и в тапочках?

– Ладно, только быстро! – кивнул капитан, критически осмотрев мою одежду.

– Что можно взять с собой?

– Зубную щётку и пасту, сигареты!

– Я не курю! – сказал я, но тут же подумал, что сигареты могут пригодиться, и взял те, что держал для гостей. – А деньги?

– А сколько у тебя есть?

– Рублей сто – сто пятьдесят...

– Возьми, – милостиво разрешил он.

Быстро переодевшись, я прихватил кошелёк, сигареты, оставленные кем-то из гостей, и в этот момент капитан обратил внимание на моё итальянское золотое обручальное кольцо с алмазными насечками:

– Оставил бы ты его лучше здесь!

– Я его никогда не снимаю!

– Смотри, тебе виднее, – пожал он плечами, и в его голосе послышалась чуть заметная усмешка...

Много позднее, когда закончилось следствие и мне удалось повидаться с адвокатом, я понял, чему усмеялся тот капитан. Несмотря на то, что все личные вещи, оказавшиеся при мне, в том числе и кольцо, забрал под расписку мой дознаватель, мне стоило огромного труда и нервов добиться через адвоката, чтобы кольцо было вложено в моё личное дело. Не было, говорит, при нём ничего, и всё тут. Тогда-то я и назвал имя того капитана в качестве свидетеля, и кольцо каким-то чудом сразу оказалось на месте, но ни денег, ни кошелек, ни запонок – видно, всё прихватил себе на память мой дознаватель, к которому меня привезли из дому...

И вот меня в наручниках, как закоренелого преступника, ведут по длинному коридору коммунальной квартиры на шестнадцать комнат (как по Высоцкому: «...на десять комнат всего одна уборная!») под удивлённые, но сочувствующие взгляды соседей.

Я ничего не понимал и был в совершеннейшем трансе. Как могло случиться, что меня, пострадавшего, арестовывают? Значит, мои обидчики на свободе? Чисто интуитивно я понимал, что за время моего нахождения в больнице что-то произошло, что-то коренным образом изменилось, а что – я не знал.

На все попытки прояснить ситуацию у моих сопровождающих следовал один и тот же ответ:

– Все вопросы к дознавателю!..

Дознаватель, фамилии которого я, естественно, не помню, оказался совсем не тот, что опрашивал меня в больнице.

– А где первый дознаватель? – задал я, казалось, резонный и совсем не обидный вопрос, который мгновенно привёл моего визави в раздражение.

– А что, я вам не нравлюсь? – недружелюбно спросил он.

– Вы не девушка, чтобы нравиться или не нравиться, мне просто интересно знать, почему поменялся дознаватель, – стараясь держать себя в руках, пояснил я. – Или я не имею на это права?

– Имеете... – как-то странно ухмыльнулся он. – Тогда вы допрашивались в качестве потерпевшего, а сейчас – в качестве обвиняемого по статье «хулиганство», статья 206 УК РСФСР, часть первая, что означает, что вы можете быть наказаны от штрафа до одного года лишения свободы.

– А почему такой резкий поворот в расследовании? Или пропало медицинское заключение об осмотре моей разбитой головы и сотрясении мозга?

– У нас ничего не пропадает, – отрезал он. – По свидетельству очевидцев, вы были инициатором инцидента и свои ранения получили тогда, когда вас пытались утихомирить!

– Что?! – воскликнул я, не ожидая ничего подобного; от такой несправедливости я даже вскочил со стула.

– Сидеть! – рявкнул дознаватель. – Или вы хотите и здесь добиться того, чтобы вас усмиряли?

– Извините, но это же полная чушь! – проговорил я, усаживаясь на стул. – О каких очевидцах вы говорите?

– Их более чем достаточно!

– Может быть, и Олег Чулков среди них?

– Показания Олега Чулкова тоже имеются в деле, но даже они вас не оправдывают. – Он порылся в пухлой папке, нашёл нужную страницу. – Вот, пожалуйста: «Виктор встал из-за стола и подошёл к парням, сидящим за соседним столиком. Зачем он пошёл к ним и о чём с ними разговаривал, мне неизвестно: из-за музыки и песен не было слышно... Кто ударил первым, я не видел – отвлёкся, а когда повернулся, то увидел, что Виктор Доценко бьёт парня и того отбрасывает на их же столик... Да, я видел, что лицо Виктора в крови, но откуда появилась кровь, я не знаю...» Вам всё ясно, обвиняемый?

– Вот сука! – вырвалось у меня.

– Что?!!

– Я не о вас, а о своём так называемом приятеле! Он же врёт всё! Он всё видел!

– Врёт – утверждаете вы, а у меня подписанные им показания.

– А девчонки, которые сидели за нашим столиком?

– Их показаний в деле нет: в отделение они не явились, фамилий вы назвать не можете, а по одним именам найти человека в Москве... – Он развёл руками. – Да и что они могут сказать, если даже официантка, как говорится, незаинтересованное лицо, даёт показания, идентичные тем, что дали трое приятелей того, с кем вы затеяли ссору, да ещё замечает, что вы выглядели нетрезвым.

– Господи! Бред какой-то! Товарищ дознаватель... – взмолился я в отчаянии.

– Для вас я пока гражданин дознаватель! – сухо поправил он.

– Хорошо, гражданин дознаватель. Поверьте, я вам правду говорю: во-первых, я не пил, это легко можно проверить по нашему заказу; во-вторых, если официантка говорит искренне, а не под чьим-то давлением, то она могла увидеть меня после удара бутылкой по голове, когда я действительно мог не только окосеть, но и отправиться на тот свет, я даже сознание потерял, милиционер должен подтвердить. Мы сидели, пели песни...

– А говорите, что не были пьяны, – вставил дознаватель.

– Мы пели от чувств, охвативших нас по случаю праздника, от хорошего настроения, оттого, что я встречался с такой легендарной личностью, как генерал Фёдоров, а не потому, что были пьяны, – с обидой заметил я.

– Так говорите вы, а у меня свидетельства очевидцев! Допустим, вы действительно не заказывали спиртного, но пришли уже навеселе!

– Да мы вышли от генерала Фёдорова в половине восьмого вечера и около восьми уже были в «Печоре», или вы хотите сказать, что мы шли по улицам Москвы и накачивались алкоголем?

– Это говорите вы, – тупо повторил дознаватель. – Хотите совет?

– Какой?

– Пойдите навстречу следствию, и Суд это наверняка учтёт!

– То есть вы предлагаете скрыть правду и самого себя оговорить?

– Я ничего вам не предлагаю, лишь даю разумный совет!

– Спасибо за такой совет, – сдерживаясь, чтобы не сорваться, язвительно заметил я. – Но я в жизни никогда не врал и врать не собираюсь!

– Вот как? Столько развелось таких правдолюбцев, что скоро мест в тюрьмах не хватит! – Он вдруг весело расхохотался.

– Ничего, за вами не заржавеет: вы новые понастроите!

– Вижу, вы ничего не хотите понимать. – Он пожал плечами и пододвинул мне протокол допроса: – Прочитайте и внизу напишите: «Записано с моих слов, всё верно, мною прочитано и замечаний нет», после чего распишитесь.

– Господи, я вспомнил! – неожиданно воскликнул я.

– Что вспомнили?

– Вспомнил номер телефона одной из девушек за нашим столиком! – Вероятно, в минуты опасности мозг начинает работать с такой эффективностью, какой не бывает в обычном состоянии. Я быстро продиктовал номер. – Её Настей зовут.

– Хорошо, я проверю. – Он был явно недоволен и не скрывал этого.

– Прошу вписать это в протокол.

– Разумеется, – процедил дознаватель сквозь зубы и поморщился, тем не менее выполнил мою просьбу и опять пододвинул ко мне протокол.

Медленно вчитываясь в каждое слово, прочитал его, сделал пару поправок, которые дознаватель, пребывая на грани нервного срыва, внёс в протокол, и только собрался его подписать, как вдруг вспомнил один американский фильм, который смотрел в Доме кино.

– Скажите, а почему вы мне не напомнили, что я имею право на вызов адвоката? И если его у меня нет, вы обязаны предоставить мне государственного защитника.

– Ты что, забыл, в какой стране живёшь? – Он взглянул на меня как на сумасшедшего. – Ты живёшь в Советском Союзе, а не на гнилом Западе. Вот закончится следствие, тогда и получишь своего адвоката! Расписывайся!

– Любой документ, связанный со следствием, я буду подписывать только в присутствии адвоката! – непреклонно заявил я и демонстративно отодвинул от себя протокол допроса.

– Не подпишешь?

– Нет! – твёрдо ответил я.

– Ну, смотри, – угрожающе произнёс он и взял протокол. – Так и напишем: «От подписи обвиняемый отказался...»

После чего вызвал конвой.

– Обыскать по полной программе! – приказал он.

Тогда-то у меня и забрали паспорт, ключи от комнаты, кошелёк с деньгами, примерно сто пятьдесят рублей, и обручальное кольцо. Дознаватель составил опись изъятого и выписал

постановление об аресте. А на меня вновь надели наручники. Вскоре я уже ехал между двумя милиционерами на заднем сиденье уазика.

В голове вертелся всего один вопрос: куда меня везут? Но когда милицейский уазик въехал в какие-то странные ворота, которые тут же за нами закрылись, и мы оказались в своеобразном тамбуре перед другими воротами, я догадался, что мы приехали в тюрьму. От этой догадки у меня перехватило дыхание. Появилось такое чувство безысходности, что хотелось завывать от отчаяния. И всё-таки в самом дальнем уголке сознания теплилась надежда, что случилась чудовищная ошибка, в конце концов разберутся и я снова окажусь на свободе. Иначе не может быть! Не может в самой справедливой стране, как сказано партией и правительством, невиновный, более того, пострадавший человек быть лишён свободы! Не может быть потому, что не может быть никогда!

Какой же я всё-таки был тогда наивный!..

Сейчас, став намного старше и довольно неплохо разбираясь в работе правоохранительных органов, могу сказать, что коль скоро меня в то застойное время отвезли в тюрьму, то органы правопорядка просто обязаны были вывернуться наизнанку, но невиновным я из неё уже не вышел бы ни при каких обстоятельствах! Был бы человек, статья всегда найдётся! В то время существовало извращённое понятие «чести мундира».

Хотя почему «в то время»? Мне кажется, что и сейчас вряд ли многое изменилось в лучшую сторону...

От этого на душе очень мутно и противно, что и сейчас нет полного доверия к российским органам правосудия!

А в то время эта вера настолько прочно вбивалась в наши головы, что и мысли не было о том, что невиновного могут оболгать и лишить свободы.

После нескольких месяцев пребывания в Бутырской тюрьме я написал следующие строки:

Мои мысли

...Уже сказано столько слов, столько выпущено стрел в адрес нашего правосудия, что не имеет смысла напоминать о том, сколь не соответствует оно своему изначальному предназначению...

Октябрь, 1975 год.

А это я написал, отсидев более четырёх лет своего второго срока:

Мои мысли

...за много лет моего невольного знакомства с советским правосудием я не слышал ни одного доброго слова, ни одного слова в свою защиту.

А это ни в коем случае не может называться справедливостью!!!

Август, 1987 год.

Глава 3

Эх, Бутырка, ты моя Бутырка!

*«Не верь, не бойся, не проси!»
Слова Воланда из книги Булгакова «Мастер и Маргарита».
Именно они стали моим кредо на всю жизнь.
И ОНИ стали лозунгом моего фамильного Герба, а позднее и
лозунгом моего сайта...
От себя лишь добавлю к словам Боланда:
«Эти три постулата и являются, правдой за колючей
проволокой».*

Стоял май 1975 года. Конвоиры вывели меня из машины и передали дежурному сотруднику тюрьмы вместе с какими-то документами, сели в машину и выехали с территории. Что это за тюрьма, мне было неизвестно: когда везли в уазике, я, зажатый между двумя внушительного вида милиционерами, с трудом мог ориентироваться, да и, честно говоря, мысли мои были совсем другие...

Но, оказавшись в тюремном дворе, машинально осмотрелся и сразу увидел краснокирпичную остроконечную башню, наличие которой не вызывало никаких сомнений: я попал в знаменитую Бутырскую тюрьму!

Я много читал об этой тюрьме, и в памяти всплыло: в ней сидел сам Емельян Пугачёв. И одна из башен так и называется – «Пугачёвская башня». Почему-то подумалось и о том, что в этой тюрьме сидели и Держинский, и Бауман, и только им удалось из неё бежать...

– Фамилия, имя, отчество, год рождения, статья? – обыденным тоном обратился ко мне офицер; по тому, как высказывали слова из его рта, становилось ясно, что их он повторяет сотню раз на день.

– Доценко Виктор Николаевич, сорок шестой, двести шестая, часть первая!

– Баклан, значит? – с явной брезгливостью поморщился тот. – Не знаю, в силу каких жизненных обстоятельств вас арестовали, но сейчас вы находитесь в Бутырской тюрьме, СИЗО сорок восемь дробь два, то есть в следственном изоляторе, где вы будете пребывать сначала до Суда, потом до вступления приговора в силу. С этого момента, когда к вам обращается любой сотрудник нашего учреждения, вы обязаны громко и чётко ответить на эти четыре вопроса! Ясно?

– Так точно! Я могу спросить?

– Спрашивайте!

– Можно получить ручку и бумагу?

– Зачем? – удивился офицер.

– Для подачи жалобы Прокурору Москвы!

– На что хотите жаловаться? – не без ехидства спросил он.

– Я не виновен, более того, сам являюсь пострадавшим, а меня арестовали.

– Заключили под стражу! – поправил он и доброжелательно добавил: – Так лучше звучит.

Так вот, гражданин Доценко, жалобу вы, конечно, можете писать кому угодно: хоть Генеральному Прокурору, хоть в ООН, но только лишь после того, как вас определят на «постоянное место жительства», имею в виду камеру, в которой вы будете находиться до Суда. Там вы и сможете попросить у своего дежурного корпусного бумагу и карандаш – и валяйте пишите куда угодно и кому угодно, хоть самому Господу Богу. Хотя, как новичку и, видно, грамотному человеку, даю вам бесплатный совет: не тратьте понапрасну бумагу и время. Я двадцать

лет работаю в Бутырской тюрьме и за эти годы не слышал ни об одном случае, чтобы кто-то добился, чтобы его выпустили отсюда оправданным.

– Значит, я буду первым! – самоуверенно заявил я.

– Искренне желаю вам удачи! – на полном серьёзе проговорил капитан. – Вперед! – кивнул он в сторону входа.

Я вошёл в огромный вестибюль, покрытый кафелем, и в нос сразу же ударил неопишувый спёртый воздух, типичный, как я позднее понял на собственном опыте, исключительно для тюрем Советского Союза, а теперь и России. Годами застоявшиеся запахи прогорклой кислой капусты, невымытых человеческих тел, вечно сырых стен, ещё чего-то более чем мерзопакостного. Короче говоря, свежим воздухом там никогда не пахло.

Капитан передал меня своему помощнику, словно эстафетную палочку.

– В какую?

Капитан взглянул на пластиковую доску в руке, которую я только что заметил:

– В «отстойник»! Какой посвободнее?

– Тот, – кивнул сержант на одну из дверей.

– Значит, туда! – Капитан сделал пометку на своей доске.

Сержант подвёл меня к двери, покрытой жёстью, выкрашенной краской непонятного грязного цвета, с глазком посередине, открыл её и безразлично бросил:

– Входи!

Помещение, которое капитан назвал отстойником, представляло собой огромную камеру. В ней прежде всего бросался в глаза туалет, метко прозванный обитателями «мест не столь отдалённых» «дальняком», – небольшое возвышение, на котором можно было, стоя на корточках, справлять нужду в дыру-трубу, прикрытую своеобразным самодельным тряпочным клапаном, привязанным к самодельной верёвке, в свою очередь прикрепленной к сливной трубе. За верёвку поднимаешь кляп, справляешь нужду, смываешь водой из крана (смывная труба, как и вся советская система, не работала), торчащего точно над дыркой-трубой, исполняющего одновременно функции и умывальника, и питьевой колонки, потом возвращаешь кляп назад.

Необходимо отметить одну немаловажную деталь: если тебе вдруг приспичило справить нужду, то прежде, чем приступить к описанному ритуалу, ты должен внимательно оглядеться вокруг и убедиться в том, что никто в камере не ест. Не дай бог, ты эту деталь упустил и пошёл на «дальняк». Мне повезло наблюдать урок, преподанный одному несчастному, совершившему столь опрометчивый проступок. Его вполне могли наказать ещё более сурово но, к счастью для него, на первый раз пощадили, и всё обошлось лишь потерей пары зубов да его сломанным носом.

Я навсегда запомнил этот поучительно жестокий пример тюремного воспитания, пригрозившийся в дальнейшей моей жизни.

Кроме туалета «из мебели» в «отстойнике» имелись ещё две узкие железные скамьи метров по пять длиной, с ножками, замурованными в асфальт, раскатанный в камере вместо пола, и три железные кровати, сваренные из труб и пятимиллиметровых полос, заменявших панцирную сетку. Эти железные полосы, приваренные вдоль кроватей, при малейшей попытке заснуть на них так сильно врезаются в тело, что к ним невозможно привыкнуть. И сон на них напоминает пытку.

Меня кинули в «отстойник» часов в семь. Запомнил потому, что как раз разносили ужин – пшённую кашу. Хлеб в Бутырке выдаётся по утрам, пришлось довольствоваться одной кашей и кипятком. Попытки задремать, стоя или лёжа, не приводили к успеху: то кого-то вкидывают в камеру, то кого-то выдёргивают. То проверка, то «шмон» (то есть обыск). То ведут «на рояле поиграть» (или «на машинке попечатать», что означает взять отпечатки пальцев), то баня, то парикмахер. Так вся ночь и уходит на различные подготовительно-развлекательные телодви-

жения перед тем, как ты наконец-то окажешься «по месту прописки» в своей камере – только ранним утром.

От Автора

Краткий перечень жаргонных словечек, с которыми неминуемо сталкиваешься с первых же минут пребывания в тюрьме...

«Автозак», то есть машина, в которой перевозят заключённых, – «воронок», «чёрная Маруся» или «брюнетка».

«Отстойник» – камера, в которой сидят вновь прибывшие зэки до переправки в свою «хату».

«Хата» – камера, в которой сидишь до отправки в зону.

«Пассажиры, сидельцы» – заключённые, зэки.

«Командировка» – тюрьма или зона.

«Париться» – сидеть в тюрьме или зоне.

«Шконка» – спальное место, нары в местах лишения свободы.

«Ложка» – «весло» или «миномёт».

«Мойка» – лезвие.

«Шлёмка» – алюминиевая миска.

«Дачка» – передача с воли.

«Кормушка» – небольшое откидывающееся окошко с глазком в двери.

«Объёбон» – обвинительное заключение.

«Вертухай» – дежурный надзиратель.

«Шмон» – любой обыск.

«Шнырь» – дежурный или выборный уборщик камеры.

«Баландёр» – разносчик пищи.

«Разводящий» – черпак, то есть половник.

«Ксива» или «малява» – документ, записка.

«Бан» – вокзал.

«Намазать лоб зелёной» – приговорить к расстрелу.

«Позвал в дорогу зелёный прокурор» – уйти в побег.

«Коцы» или «говнодавы» – обувь.

«Котлы» – часы.

«Смотрящий» – криминальный «Авторитет», наблюдающий за порядком в камере, колонии или каком-либо населённом пункте...

По ходу моих воспоминаний будут ещё встречаться жаргонные слова, этимологию которых иногда просто невозможно объяснить, но я по мере возможности буду давать их перевод на нормальный русский язык.

В какой-то момент, перенасытившись жаргонным лексиконом, я разродился шуточным стихотворением, которое и предлагаю вашему вниманию.

Бацай, Кент!..

Бацай, Кент, рви когти с кичи!
Тянет модер на бану кочевое тряпье.
Руки прочь! Лучше ксиву начерти:
Дёрнут по делу – всё будет ничьё.

Бацай, Кент, – менты копают.
Жорж опалился, когда угол с бана волок.
Замочили барух – всех шмонают,
Дёрнут по делу – всем потолок!

Бацай, Кент, блатуй по новой!
Новые шлюхи лабают варуху ништяк.
Седой медвежатник с марой фартовой,
Тучи надвинулись – кажется, шмяк!..

Заканчивая описание «отстойника», особо скажу о его стенах, аналогичных стенам всех камер Бутырской тюрьмы, да, вероятнее всего, и всех остальных тюрем Советского Союза и России. Они заляпаны раствором с большим процентом содержания цемента, так что к ним даже прислоняться больно, настолько остры цементные бугры. Уверен, это сделано специально для того, чтобы на них невозможно было что-либо написать, передавая весточку будущим «новосёлам», да и ремонтировать можно реже.

В «отстойнике», камере метров пятьдесят, находилось не так уж много «пассажиров»: человек пятнадцать, в основном это были молодые, лет по двадцать – двадцать пять, парни. И только три лица несколько выделялись, и не только тем, что выглядели гораздо старше, но и тем, что при них были небольшие холщовые мешки с припасами и вещами. По всей видимости, эти трое были настолько уверены в себе и в том, что никто не позарится на их вещи, что не сдали свои мешки в камеру хранения. Остальные либо ничего с собой не имели, как и я, либо не захотели рисковать и оставили свои вещи в камере хранения.

Всех, прибывающих в тюрьму, неважно откуда – с воли или из КПЗ, – обязательно снова тщательно шмонают, изымают запрещённые тюремным Уставом предметы: деньги, лекарства, заварка, спиртосодержащие жидкости, естественно, наркотики – всё это относится к вещам запрещённым, иметь в камере три килограмма вареной колбасы «не положено», она изымается, поскольку жара и духота – колбаса испортится за несколько часов, и возникнет опасность дизентерии.

«Запрещено» и «не положено» – чисто бюрократические игры, а суть одна – отбирают всё, на что глаз и положили сами «вертухай»!

Табак после обязательного прошупывания обычно пропускают, как и сигареты без фильтра, предварительно выборочно порезав пополам примерно треть: на предмет проверки, нет ли в них денежных купюр или иголок, заточек. Сигареты с фильтром пропускают только после того, как его оторвут.

Казалось бы, чем фильтры-то не угодили ментам? Вначале я подумал, что это делается для того, чтобы лишний раз унижить заключённых, но бывалые зэки мне объяснили, что фильтры отламывают для того, чтобы их не использовали в качестве «оружия». Оказывается, достаточно поджечь фильтр, дать ему разгореться, а потом наступить на него, растирая подошвой на гладкой поверхности пола, и у тебя в руках готовое лезвие из стекла. Можно использовать в качестве защиты или нападения, а можно чиркнуть и по своим венам.

Редко попадётся соболезнующий сосед, который бросится спасать сам или вызовет вертухаев. А если и найдётся такой сердобольный сиделец, то ему, вполне возможно, придётся потом несладко:

«Не лезь не в своё дело!»

Ведь нельзя исключить того, что человек чиркнул себя по венам, вовсе не стремясь уйти из жизни, а лишь затем, чтобы попасть на больничку или просто к врачу, а там передать важную информацию на волю, а может быть, и того больше: уйти в побег!

Троица, о которой я уже упоминал, была гораздо старше остальных. Они, чувствовалось, знали себе цену и, судя по многочисленным наколкам, «окунались за колючку» не в первый раз. Исподлобья, но с любопытством наблюдали за остальными. Помня «Записки серого волка», книгу «Вора в законе», «перековавшегося» в писателя явно при одобрении советской «системы», я вошёл в «отстойник», стараясь держаться независимо и спокойно.

Мужчина лет за тридцать, довольно плотного телосложения, из той самой уверенной троицы, шнуркуясь взад-вперед по «отстойнику», чуть нервно затягиваясь сигаретой, проходя мимо меня, остановился и спросил:

– Москвич?

Его голос столь удивительно был похож на голос Высоцкого, что я даже вздрогнул и ответил не сразу.

– Ну... – кивнул я.

Он вдруг протянул мне оставшийся окурок.

– Спасибо, не курю.

– Как хочешь... С «обезьянника» или с «Петров»?

Что такое обезьянник, я тогда понятия не имел («обезьянником» называют КПЗ), но память подсказала, что «Петрами» называют тюрьму на Петровке, и потому понял, что моего собеседника интересует, откуда меня забирали.

– С родной хаты!

– Что, нежданчиком, потому и свалить не успел?

– И в мыслях не было, – со вздохом признался я.

– Заложил кто-то?

– Думаю, да, – кивнул я, уверенный, что не очень сильно отхожу от истины.

– Пустой?

– Если ты о жратве, то как барабан! А сигареты есть!

Несмотря на то, что я тогда не курил, дома всегда держал на всякий случай две-три пачки «Столичных» для гостей. И когда меня забирали, прихватил все свои «запасы» – три с половиной пачки.

– Кури. – Я вытащил из кармана початую пачку «Столичных»; как ни странно, но на фильтры при обыске менты не обратили внимания и пропустили, их не отрывая.

– Ты ж говорил, что не куришь!

– И не курю! Сам не знаю, для чего прихватил...

– Первоходок? – догадливо спросил он.

– Ну... – кивнул я.

– Счастливый, кто, не ведая, поступает правильно... Ведь на эти сигареты ты сможешь с месяц клёво жить в тюрьме! Это же твои деньги здесь, – пояснил он. – На них что угодно можно купить, понял?

– Не совсем...

– Ну, дал баландеру сигаретку, а он тебе добавку дня два давать будет!.. Да мало ли что тебе может понадобиться... Так что береги и не раздавай!

– Но ты-то возьми...

– А мне-то нечего тебе предложить.

– Ничего, считай, плата за науку, – нашёлся я.

– Хорошо, – чуть подумав, согласился он и взял из пачки пару сигарет. – Я бы, конечно, мог тебя раздербанить, но Лёва-Жид никогда не жил по нахалке и всегда с уважением относится к людям, которые ему симпатичны. Ты хороший пацан, браток, не жадный... – Лёва-Жид подмигнул мне. – Жалко, что вместе не будем: присмотрел бы за тобой...

– Почему вы думаете, что не будем? – почему-то я перешёл на «вы».

– Потому что я по четвёртой ходке, а ты – по первой.

- По четвёртой?! – невольно воскликнул я.
- Точно! В общей сложности уже двенажку «оттащил».
- Двенадцать?! Сколько же вам лет?

– Да молодой ещё, – усмехнулся Лёва-Жид. – Так что больше на воле пожил... Вот и считай, из двадцати девяти – семнадцать на воле! Я же «В законе»... Если кто «мазу тянуть» будет, про меня напомни – отстанет, если не захочет, чтобы им занялся Лёва-Жид! Запомнил? Уж больно ты по душе мне пришёлся... И не «выкай» ты мне больше, будь проще!..

Несмотря на то что я приказал самому себе держаться особняком и не сближаться ни с кем, этот мужчина показался мне симпатичным собеседником.

- Виктор... – Я протянул ему руку и крепко пожал.
- Присядем?

Я оглядел и первую, и вторую скамейку: они были заняты, как и шконки, на которых спали. Тем не менее это нисколько не смутило моего нового знакомого. Он подошёл к той, где уже сидели двое из «бывалых», к которым присоседились четверо молодых. Лёва-Жид остановился напротив и молча взглянул на них. Я не видел его взгляда но, вероятно, он был столь выразителен, что вся четвёрка молодняка тут же поспешила освободить скамейку.

Через несколько минут «бывалые» обо мне знали уже почти всё: за что взяли и как, кто я «по жизни», то есть чем занимаюсь. В первые минуты, выяснив, кто я по профессии, они проявили некоторый интерес, но чисто интуитивно я почувствовал, что этот интерес не имеет никакого отношения к уважению: простое любопытство, и только. Мне показалось, что и в голосе Лёвы-Жида прозвучало даже некоторое разочарование, появляющееся тогда, когда ты ожидаешь чего-то большего, а в результате не получаешь вообще ничего.

Постепенно любопытство ко мне было удовлетворено, и они углубились в собственные воспоминания, кто на какой «командировке» «парился» и кто с кем там встречался. Очень радовались, когда находились общие знакомые.

Поднявшись со скамейки, чем сразу заслужил вопросительный взгляд Лёвы-Жида, я сказал:

- Ноги хочется размять.
- Ну-ну, – бесстрастно ответил он и вновь повернулся к своим приятелям.

Я действительно решил размять ноги, но при этом незаметно начал приглядываться к остальным обитателям «отстойника».

Лицо одного парня вдруг мне показалось знакомым.

Выбрав момент, когда рядом никого не было, «невзначай» остановился около него и спросил:

- Ты, случайно, не с Малой Бронной?
- Ну, – с некоторым удивлением кивнул тот и пристально взгляделся в меня. – Виктор?! – воскликнул он.

– А тебя, если не ошибаюсь, Костиком кличут? А я смотрю, ты это или не ты?..

Несколько лет назад меня свёл с этим парнем странный случай. Шёл как-то по Суворовскому бульвару поздним вечером и вдруг вижу, как двое молодых ребят, озираясь по сторонам, шарят по карманам лежащего на садовой скамейке прилично одетого парня, в дупель пьяного. Ребятам было лет по восемнадцать, и один из них имел довольно плотное телосложение, что меня не остановило – мне стало жаль бедолагу, – и я накинулся на этих молодых мародёров:

- Вы что творите, сучонки?

Здоровячок поднял на меня глаза и, похоже, не увидел в моей фигуре для себя никакой угрозы. Шепнув что-то напарнику, который продолжал шарить по карманам незнакомца, он встал и угрожающе шагнул в мою сторону. Когда здоровяк распрямился, я понял, откуда в нём такая уверенность: он был сантиметров на пятнадцать выше меня и килограммов на двадцать

тяжелее, – но отступить в силу своего бойцовского характера я уже не мог. Тем более когда услышал от него задевшие меня слова.

– Тебя что, дохляк, давно не били, что ли? – зло процедил он, сплевывая сквозь зубы.

«Почему он меня дохляком обозвал?» – с удивлением подумал я: как-никак, а во мне было в то время более восьмидесяти килограммов, и я всё же был Мастером спорта, хоть и по лёгкой атлетике.

Я не считал себя отчаянным драчуном, но занятия самбо кое-что значили, да и в юности не раз бывал в уличных переделках и отлично знал основное правило подобных заварушек: при малейшей угрозе в свой адрес старайся всегда бить первым. Внутренне приготовившись, я всё-таки выждал, когда тот подойдёт поближе: мне казалось, что всё ещё может закончиться мирно. Но тут я заметил, как противник, ощутив мою решимость, невзначай сунул руку в карман.

«Нож, кастет?» – пулей промелькнуло в моей голове.

В то же мгновение пришло осознание, что любое промедление может оказаться губительным для моего здоровья, я не должен дать ему вытащить руку из кармана!

Далее действовал автоматически: первый удар, в который вложил основную силу, нанёс в шею и почти тут же пнул его в пах.

Здоровяк моментально сложился пополам, упал на землю, с трудом хватая воздух, испуская стоны и держась руками за низ живота. На земле я увидел кнопочный нож. Поднял его, нажал на кнопку – сухо щелкнула сталь. Я наступил на лезвие и сломал его.

Бросив рукоятку хозяину, добавил:

– Паскуда!

– Больно же, гад! – прохрипел он.

– А это за гада! – Я ещё раз пнул его, на этот раз под рёбра.

– Ой, бля!.. – вскрикнул он, хотел что-то сказать, но тут же заткнулся, боясь получить ещё.

Его напарник, увидев, что произошло с приятелем, и, скорее всего, никак не ожидавший такого поворота, застыл с открытым ртом, словно по команде «замри!».

– Верни всё, что вы у него взяли, и не дай тебе бог обмануть меня! Нос откушу!

– Я что, я ничего, всё верну, всё! – заскулил тот и начал доставать то, что успел рассовать по своим карманам: бумажник, часы, авторучку, непонятно к чему прихваченный паспорт и даже ключи. Потом с готовностью вывернул собственные карманы. – Смотрите, всё вернул, – сказал он дрожащим голосом и вдруг захныкал. – Мы... не хотели... да потом... – несвязно залепетал тот, но они уже перестали меня интересовать.

– Валяйте отсюда, и если ещё раз попадёте мне на глаза, пеняйте на себя!

Он помог подняться своему дружку, и они моментально растворились в пространстве...

На всякий случай я заглянул в паспорт, чтобы узнать, где проживает парень по имени Константин. Оказалось, совсем рядом, на Малой Бронной. Когда я рассовывал по его карманам вещи, которых он мог лишиться, парень открыл глаза и удивлённо уставился на меня.

– Ты кто?.. – спросил он.

– Кто? Кто?.. Зорро...

– А... а... серьёзно?

– Если серьёзно, то Виктором меня кличут!

– Виктором? А почему ты лазаешь по моим карманам? – спросил он таким тоном, словно интересовался моим здоровьем.

– Возвращаю тебе то, что у тебя вытащили двое подонков!

– А где они?

– Я их отпустил...

– Отпустил? Просто так?.. – искренне удивился Константин: было видно, что он уже почти оклемался.

– Нет, не просто так: они своё получили и сейчас зализывают раны.

– Понял, – кивнул он и, пьяно икнув, сказал: – Я должен тебя отблагодарить! – И полез в карман за бумажником.

– Слушай, Константин, я вступился за тебя не потому, что думал о благодарности, просто мне стало тебя жалко.

– Откуда ты знаешь мое имя? – удивился он.

– Так они и паспорт твой хотели умыкнуть, а я помешал...

– Вот сволочи! Я тем более обязан тебя отблагодарить! – упрямо повторил он.

– Ладно, когда-нибудь ты мне тоже чем-нибудь поможешь! Вставай, я провожу тебя до дому: мы, оказывается, соседи.

Что было правдой: в то время я снимал комнату на Большой Бронной.

Я довёл его до самых дверей, и он едва ли не силком затащил меня к себе, в небольшую двухкомнатную квартиру, которая, судя по беспорядку, в ней царившему, явно обходилась без женской руки. Оказалось, Константин с полгода назад развёлся с женой и проживал один.

По профессии он был художником-реставратором и в основном занимался реставрацией икон. К моему удивлению, холодильник одинокого мужчины был забит всякими вкусностями, и он, немного протрезвев под холодным душем, пригласил к столу, который накрыл за пять минут.

– Ты, Виктор, не думай, я не пьяница, – сообщил гостеприимный хозяин. – Просто сегодня я закончил очень серьёзную работу, и работодатели пригласили меня в ресторан отметить это событие.

– Ты словно извиняешься передо мною!..

Наши посиделки продолжались до самого утра, и когда я уходил, Константин был ещё пьянее, чем тогда, когда его пытались обокрасть...

К счастью, сейчас он находился в своей квартире...

Больше мы с ним не виделись, хотя пару раз и перезванивались, потом вообще потерялись: мне пришлось снять другую квартиру, уже на Кутузовском проспекте, а он уехал в командировку на Урал, и постепенно наше знакомство сошло на нет...

И вот мы встретились при таких необычных обстоятельствах. Я не сразу его узнал: он сильно изменился – раздобрел, точнее сказать, заматерел, отрастил длинные волосы и, похоже, внутренне стал другим. Передо мной стоял не тот доброжелательный Константин, с которым я когда-то познакомился, а озлобленный, взъерошенный человек с недобрый, колючим взглядом.

Разговорились... Оказалось, что в то время, когда я считал, что он в командировке на Урале, он на самом деле был в другой «командировке»: получил четыре года по восемьдесят восьмой статье, то есть присел за валюту. Продал купленную по случаю икону семнадцатого века, им отреставрированную, за пятнадцать тысяч долларов какому-то иностранцу, который, попавшись на таможне, пошёл на сделку с Органами и сдал продавца, чтобы выехать из СССР без последствий.

Отсидел Константин три года, оставив «хозяину» один год. Вернувшись в Москву, оказался у разбитого корыта: квартиру отобрали, прописки лишили, и находиться в столице, даже у родителей, он не имел права, несмотря на их хлопоты перед городскими властями. Нелегально прокантовался по друзьям и знакомым более двух лет (и как только это ему удалось, одному Богу известно).

Надо было зарабатывать – не мог же он продолжать сидеть на шее тех, кто его пригнал на первых порах. Постепенно возобновил старые связи и принялся за то, что умел делать, то есть за реставрацию.

Как рассказал Константин, случай свёл его с обладателем не очень дорогой картины одного из малоизвестных итальянских мастеров Возрождения. Она была в плохом состоянии,

но хозяин был не из бедных, и картина ему была дорога потому, что это был подарок очень близкого ему человека, который трагически погиб. Хозяин собрался её отреставрировать. Кто-то порекомендовал ему Константина как одного из лучших реставраторов столицы.

Сумма оказалась приемлемой, и Константин согласился. Начав работу, он неожиданно обнаружил, что под верхним слоем краски скрывается картина великого Матисса, присутствующая во всех мировых каталогах и считающаяся пропавшей в двадцатые годы...

Здесь я должен оговориться, что память сохранила рассказ Константина, но гарантировать подлинность его истории не имею права...

Увидев манеру Матисса, Константин понял, что перед ним открылся редчайший шанс по-настоящему разбогатеть: потенциальная стоимость этой картины в каталогах измерялась суммами со многими нулями, и, естественно, в долларах. Он не смог удержаться и подумал, как в старом анекдоте про русского «мудака», второй раз наступить на те же грабли.

Но как обойти хозяина? После недолгих внутренних терзаний Константин решил, что хозяину ничего о его открытии знать не нужно: он хочет иметь картину, которая дорога ему как память, и он её получит...

Константин был неплохим художником и довольно точно скопировал картину, что была поверх Матисса, «состарив» её по собственной технологии до нужной кондиции. Получив оговорённый гонорар, он долго мучился, что делать со своим открытием: снять верхний слой неизвестного мастера или оставить всё как есть, чтобы с меньшим трудом вывезти её за границу?

До воплощения мечты оставался суший пустячок в лице иностранного покупателя, который увлекался бы не только коллекционированием картин великих мастеров, но главное – имел слабость к картинам именно Матисса и готов был пойти на риск приобретения «пропавшей» работы незаконным путём.

Константину и в голову не могло прийти, что он продолжает находиться в разработке Органов и те пристально следят за ним. Один из «доброжелателей» сообщил Органам, что их подопечный ищет богатого иностранного коллекционера живописи.

Вскоре таковой нашёлся. Константину и в голову не могло прийти, что с него самого и того иностранного покупателя Органы не спускают глаз. Произошла сделка, принесшая кратковременную радость и покупателю, получившему за сто тысяч долларов полотно стоимостью в десятки раз дороже, и Константину, так легко разбогатевшему, но...

«Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал...»

Обоих взяли с поличным... Иностранец отделался потерей ста тысяч долларов, конфискованных в пользу государства, и был рад, что не посадили. Картину великого Матисса как художественную ценность и «народное достояние» конфисковали в пользу государства, а Константин пострадал по максимуму. На этот раз срок ему светил от семи до пятнадцати лет! Причём сразу по нескольким статьям: 147-я, часть 3 – мошенничество в особо крупных размерах – до десяти лет лишения свободы. А также: 154-я, часть 3 – спекуляция в особо крупных размерах – до десяти лет лишения свободы; 78-я – контрабанда художественных ценностей, представляющих народное достояние, – до десяти лет лишения свободы; а также самая тяжёлая для него статья – 88-я – нарушение правил о валютных операциях...

Тяжёлая потому, что он уже сидел по ней, а значит, часть 2 – от пяти до пятнадцати лет лишения свободы. И ко всему прочему каждая из этих статей ещё и с конфискацией имущества.

Его адвокат заверял, что он отделается максимум шестилетним сроком, но Константин не был столь оптимистичен и настроился минимум на «червонец». Забегая вперед, замечу, что его предчувствия оказались точнее обещаний адвоката: он получил двенадцать лет строгого режима.

Но об этом я услышал через год. Наша неожиданная встреча мне очень помогла, хотя бы на первых порах пребывания в Бутырской тюрьме, а потом и «в местах не столь отдалённых»:

одно дело пытаться жить там, вспоминая «Записки серого волка», другое дело – получить рекомендации человека, который успел побывать в этой системе и искренне хотел мне помочь. За пару часов, что мы провели в «отстойнике», Константин успел рассказать, как правильно вести себя в камере, посвятил в основные неписанные правила...

Интересной и весьма важной информации было столько, что голова пухла от её избытка, и я постарался вычленить самые главные уложения, которые нужно соблюдать в местах лишения свободы.

Это как бы негласный «кодекс поведения» для тех, кто впервые окажется взятым под стражу, и пишу об этом, чтобы оказать посильную помощь таким неудачникам.

Итак...

От Автора

Я назвал это – «ПАМЯТКА ПЕРВОХОДКУ».

Никогда ни о чём не проси, чтобы не стать должником!

Никогда никому не верь, чтобы не быть обманутым: враги не предадут – предадут только друзья и близкие!

Надейся только на себя!

Старайся ничего не видеть и ничего не слышать, но всегда держать глаза и уши открытыми: вполне возможно, что услышанное или увиденное может касаться лично тебя, и если появилась какая-то опасность, то ты всегда успеешь подготовиться к защите...

Никогда не садись играть «под интерес» в неизвестную тебе игру, даже если тебя убедят, что она «проста, как огурец». Или в известную тебе игру, в которую ты не очень силён. Если ты в какой-то игре силён, будь осторожен, когда твой партнер очень легко и спокойно тебе проигрывает. Но при этом он каждый раз удваивает ставку: по теории вероятности хотя бы раз ты ошибёшься, а сумма проигрыша возрастет до таких размеров, что за неё могут потребовать не только твою задницу, но даже и жизнь!..

Тщательно обдумывай и взвешивай каждое своё слово! За нечаянно вырвавшееся слово можешь ответить. Чем? Смотри выше...

Никогда не встревай в разговор, если этот разговор тебя лично не касается, тем более в чужой спор или чужое пари: вполне возможно, что этот спор затеян специально для того, чтобы тебя в него втянуть и потом с тебя же спросить. Когда ты поймёшь, что любой из ответов ведёт к проигрышу, будет поздно. Такие «примочки» специально выдумывались для «лохов» умельцами криминального мира и годами шлифовались, чтобы «разводить лохов».

Никогда не лезь на рожон, но и никогда не показывай, что ты чего-то испугался, даже если тебе действительно страшно: в местах лишения свободы уважают только силу и уверенных в себе людей!

Никогда не поддавайся на провокации и провокационные вопросы, если не знаешь точного ответа. Но даже если знаешь, лучше мягко уйти от ответа, промолчать. Молчание гораздо меньше может навредить, чем нечаянно вырвавшиеся слова, – об этом нужно помнить постоянно!..

При первом появлении в камере, или, как говорят там, в «хате», на «командировке», то есть на зоне или во время этапирования, первое время старайся ни с кем не сближаться и по возможности не общаться, внимательно осмотришься и чётко разберись, кто есть кто по тюремной жизни. Не дай бог

допустить тебе ошибку и взять что-нибудь из рук «петуха», «опущенного» – так называют в местах лишения свободы педерастов, – и ты моментально можешь оказаться в их стане.

Есть очень простой, но весьма действенный способ быстро разобраться, с кем ты оказался в камере, куда тебя бросили...

Итак...

Войдя в камеру, угрюмо осмотришься, кинь, если есть свободная шконка, туда свой мешок, если нет, то на любую занятую, и с серьёзной миной, ни на кого не глядя и ни на кого не обращая внимания, с полчаса нервно бей тусовку по хате. При этом лай, как будто про себя, но вслух на чём свет стоит всех ментов. На первые же вопросы «За что? Откуда? Кто ты?» осмотри интересующегося и резко, но без лишней грубости, как бы между прочим, оборви!..

Потом присядь к столу, вытащи сбережённую пачку хороших сигарет и, прикурив одну, брось остальные на стол и громко объяви:

– Братва, это на «общак»!

После чего понаблюдай, кто будет брать из пачки и с каким видом: тебе сразу станет ясно, кто «мутит воду в этой обители». Естественно, что «опущенный» никогда не притронется к «общаку», а кто подойдёт закурить первым, тот и является «Смотрящим», то есть стоит во главе «хаты».

А когда кто-то из «козырных» тебе всё-таки начнёт задавать вопросы – не торопясь ответить, где жил, и как бы между прочим сам спроси его, откуда он. Не беда, если окажется, что ты не знаешь тот город, район или «командировку», откуда твой собеседник, – хлопни его по плечу, как будто встретил дорогого друга, давно потерянного тобой. И, пока он не очухался, выстрели в него кучей кликух-погонял: кого-то он всё равно признает. Почему?

Потому что в нашем замкнутом мире – «жидов», «хромых», «слепых», «глухих», «сынков», «зверей», «дрынов», «буржуев», «профессоров», «интеллигентов» и тому подобных – в любой «куче» найдутся: брось валенком и наверняка попадёшь...

Начнутся «воспоминания», «сближение душ», и вот в этот-то момент внимательно следи за тем, что говоришь: старайся отделяться общими фразами и внимательно запоминай, что говоришь, чтобы впоследствии не опростоволоситься.

Нужно всегда помнить: все твои ошибки, как и правильное поведение с момента следствия и до момента твоего прихода на «командировку», будут следовать за тобой по пятам, и даже если тебе каким-то образом удастся избежать расплаты за ошибку, даже случайную, то на «командировке» с тебя обязательно спросится за всё...

Я чётко запомнил одну из самых важных заповедей для попавших «в места лишения свободы» сидельцев. Особенно для тех, кто впервые там оказался...

Никогда не проявляй активность и тщательно следи за тем, что говоришь. Любое неосторожно сказанное слово может быть неправильно истолковано, даже намеренно, и тебе придётся нести ответственность за него, особенно если ты чем-то не понравился тем, кто верховодит в камере, – «Смотрящему» или «шерстяным», то есть его окружению...

Как правило, «Смотрящие» назначаются «Ворами в законе» или уважаемыми людьми из «братвы», так называемые «положенцы». Эти люди

смотрят за выполнением воровских традиций и тюремных устоев, а также вершат справедливость по арестантским понятиям. Но иногда случается, что они путают своё и чужое, правильное и неправильное. Они, как и все люди, могут ошибаться...

Но продолжу своё горькое повествование...

После нескольких часов ожидания в «отстойнике» дошла наконец очередь и до нас. Первым делом всех наголо подстригли и сбрили бороды и усы тем, у кого они были. Я пытался возражать против этого, будучи твёрдо уверен, что это нарушение прав человека. Против твоей воли никто не имеет права трогать твои волосы до тех пор, пока твой приговор не вступил в силу, то есть стричь и брить против твоей воли могут только перед отправкой на этап. Я слышал, что в других следственных изоляторах этого правила придерживаются, хотя и не всегда, но в Бутырской тюрьме, по крайней мере в то время, когда её начальником был полковник Подрез, имелись свои правила.

От Автора

О полковнике Подрезе ходило множество мифов. В частности, один из мифов гласил, что к нему может обратиться за помощью любой подследственный и он всегда поможет. Этот миф распространялся специально, но выполнялась только первая часть легенды. К нему действительно легко можно было попасть на приём, и он действительно внимательно выслушивал жалобу любого заключённого, причём с особым вниманием полковник выслушивал жалобы на своих подчинённых.

Вежливо и внимательно выслушав жалобу, он обязательно обещал «разобраться» и наказать виновных. Полковник Подрез действительно вызывал «на ковёр» своего подчинённого, на которого появилась жалоба, и действительно всыпал ему по первое число, но не за то, что сотворил его подчинённый, а за то, что допустил, что на него подают жалобу.

Обнадёженный жалобщик возвращался в свою камеру и во всех красках описывал «доброе хозяйство». Шло время, но «воз оставался там же», а сам жалобщик подвергался ещё большему прессу, часто такому, что бедняга приходил к мысли о самоубийстве.

Кстати, за долгое время начальствования Подреза над Бутырской тюрьмой самоубийств там случилось во много раз больше, чем до его «царствования» и конечно же после. «Долгожители» Бутырки знали об этой особенности Начальника и иногда, жалея кого-то из начинающих жалобщиков, советовали не связываться с «добрым хозяином» – «Лишь в баснях добр медведь...». Но умные люди учатся на чужих ошибках, а вот дураки не учатся и на своих...

Другой миф повествовал о том, что однажды Подрез был в командировке в Италии по обмену опытом и заплатил там большие деньги за форму по изготовлению тюремных ложек, то есть «вёсел». До этого для Бутырки закупались обыкновенные алюминиевые ложки, от них отламывалась большая часть черенка, и только после этого они выдавались обитателям Бутырки. Почему? А чтобы нельзя было заточивать черенок и использовать его в качестве холодного оружия, хотя и оставшуюся меньшую часть черенка заточивали и использовали. Форма, которую Подрез якобы привёз из Италии, выплавляла ложку, очень напоминающую детский совочек, а черенок был

круглым, длиной, да и толщиной с палец и заканчивался ещё и шариком большого диаметра. И конечно же при виде такой ложки никакая мысль о заточке даже не возникала.

Если раньше каждое «весло» нужно было возвращать баландёру, а при невозврате даже одной ложки «шмонали» всю камеру, то после введения новой формы каждому вновь прибывшему выдавали собственную ложку-совочек и кружку...

Забегая вперед, замечу: во время работы над данной книгой я по приглашению тогдашнего начальника Бутырской тюрьмы полковника Рафика Ибрагимова (после скандальных побегов из Бутырки Ибрагимов подал рапорт на увольнение) пару раз посетил Бутырскую тюрьму, где выступал с лекциями и встречался с сотрудниками... Полковник Ибрагимов показался мне добрым и симпатичным человеком.

Случайно мне пришлось наблюдать, как он общается со своими подчинёнными, как реагирует на жалобы подследственных, внимательно выслушивая каждого.

Ибрагимов не распекал на чём свет стоит того, на кого жаловались (кстати, при мне жаловались на отсутствие в камере бумаги не только для обращений в инстанции, но даже для туалета, и на то, что давно не давали иголок с нитками). Были и другие бытовые, достаточно мелкие жалобы, которые любой корпусной должен был сам решить в течение минуты.

Полковник делал проще, он говорил примерно следующее:

– Иван Иванович, если у вас на корпусе нет бумаги (ниток, иголок, ручек и т. д.), то зайдите ко мне – я вам куплю... – Причём в его голосе я ни разу не услышал угрожающих ноток.

«Иван Иванович» тут же махал руками:

– Что вы, Рафик Абдрашитович, всё нормально, всё есть, просто я заматался... больше не повторится!

Интересно, что оправдывающийся совсем не был напуган, его тон был действительно виноватым, и видно было, что он с большим уважением относится к своему начальнику.

А полковник поворачивался ко мне и смущённо пояснял:

– Понимаете, Виктор Николаевич, еле концы с концами сводим – денег катастрофически не хватает, иногда даже на питание! Дошли до того, что очень надеемся на экскурсии для иностранцев...

– На экскурсии? – удивился я. – По Бутырке?

– Ну... – кивнул полковник. – У нас же в одной из башен музей приличный собран. Хотите посмотреть?

Конечно же, я согласился и нисколько не пожалел. В этом музее были любовно собраны экспонаты едва ли не с момента основания знаменитой Бутырской тюрьмы. Имеются стенды всевозможных арестантских поделок, стенд тех вещей, которые арестанты проглатывали, чтобы оказаться на больничке. Чего только там не было: от различных гвоздей и иголок до полноценной партии доминушек, извлечённой во время операции из желудка бедняги...

Во время своих посещений знаменитого Централы я узнал, что сейчас вновь прибывших в Бутырку не стригут, и сразу вспомнил, как долго я сопротивлялся этой насильственной стрижке...

После виртуозной работы тюремного парикмахера над головами вновь прибывших, когда я попытался потребовать соблюдения «прав человека», а мне быстро напомнили, «кто я и с чем меня можно скушать», нам выдали по малюсенькому кусочку хозяйственного мыла и отправили в «баню». В кавычки я взял это слово потому, что помещение, в которое нас завели, даже с большой натяжкой назвать «баней» было нельзя. Огромная душевая с тридцатью торчащими гнутыми трубами, у подавляющего большинства которых отсутствовали душевые головки, и

вода лилась сплошной струей. Причём в качестве особой шутки воду подавали то холодную, то с трудом переносимый кипяток.

Но мы ещё об этом не догадывались: по команде вертухая сняли с себя всю одежду и моментально стали похожи на братьев-близнецов. Одежду развесили в специальные металлические шкафы на колесиках, которые вкатили в небольшое помещение, называемое прожаркой. После десятиминутного издевательства, именуемого мытьем, – именно столько времени отводилось на то, чтобы более двух десятков арестантов помылись, – нас выгнали из «бани», не дав толком даже ополоснуться. Не успели привыкнуть к холодной воде и намылиться, как из трубы обрушилась горячая, под которой стоять просто невозможно, и кое-как ладошкой пытались стереть мыло.

После того как мы напялили на себя горячие одежды и обувь, нас погнали в подвал, где у ээка-кастеляна каждый получил подушку с наволочкой, матрац с матрасов-кой вместо простыней и алюминиевую кружку с веслом-совочком. Выстроив в коридоре всех вновь прибывших, дежурный ДПНСИ (дежурный помощник начальника следственного изолятора) начал вызывать нас по списку и определять, кого в какую камеру направить. Вызванные забирались соответствующими корпусными, которые прихватывали у ДПНСИ их карточки и разводили по камерам.

Как и предположил Лёва-Жид, нас с ним раскидали по разным камерам. Его вызвали первым, он ободряюще кивнул мне на прощание, и его увели с первой группой куда-то на «спецхату».

«Спецхаты» отличались от остальных тем, что в них находилось не более трёх, пяти или семи человек, что существенно улучшало не только жизнь и быт, но и психологическое состояние. Были и одиночные камеры, в которых содержались «важняки», то есть подследственные с тяжёлыми статьями, или «смертники», приговорённые к высшей мере наказания и ожидающие ответа на свои «каساتки», то есть кассационные жалобы. Зачастую они содержались там по нескольку лет.

На какое-то мгновение я попытался поставить себя на место такого ожидающего. Бр-р-р, жуть! По мне, так лучше сразу бы «лоб зелёной намазали», чем каждую минуту ожидать смерти...

Глава 4

Моя «хата»

*Лишь час отбоя наступает,
Каждый думать начинает,
Что годы жизни пролетают,
Здоровье тает с каждым днём!*

Как сейчас помню, меня кинули в девяностую камеру. Сзади послышался скрежет прожавевших замков. Камера была забита, как говорится, под завязку. Позднее выяснилось, она была рассчитана на тридцать четыре человека, а я был уже пятидесятым. По обеим сторонам высились двухэтажные железные нары, то есть кровати-шконки, намертво сваренные между собой. В проходе между нарами, ближе к окну, стоял большой стол, также сваренный из железных уголков, с намертво закреплёнными деревянными досками.

Этот стол использовался двояко: во время завтрака, обеда и ужина его занимали избранные, своеобразная элита, которая верховодила в камере, в остальное время он служил для различных «тихих» игр.

Традиционные: шахматы, шашки, домино, очко, покер, нарды.

И другие игры: чисто тюремные изобретения – «крест», «телефон» и «пасьянс» в домино.

Зачастую в связи с нехваткой или пропажей фигур или шашек оные изготавливались из хлебного мякиша и красились пастой нужного цвета из стержней шариковых ручек. Для удобства, чтобы не валандаться с досками, прямо на поверхности стола заточенными ложками были выщерблены поля для тех или иных игр...

В нос сразу же ударил тяжёлый, спёртый воздух, насыщенный ни с чем не сравнимым «благовонием», издаваемым человеческим организмом после принятия «музыкальной» пищи: пшёнки, горохового супа и щей из кислой капусты.

В дыму от сигарет и махорочных самокруток где-то под потолком над входом, прикрытая железной решёткой, тускло светила маломощная лампочка, с трудом освещавшая мертвенно-бледным светом закопчённые рожи обитателей камеры.

Многие спали беспокойным сном, но были и такие, что сидели за столом, углубившись в собственные воспоминания, а может быть, и наблюдали за теми, кто тупо продолжал играть в одну из тюремных игр, используя костяшки домино или «стиры» (самодельные карты).

Некоторые «наматывали километры», до одури меряя шагами камеру из угла в угол.

Позднее мне стало понятно, что все движения, по крайней мере в этой камере, начинались в основном после ужина, днём большей частью спали, а где-то часов после десяти камера гудела как преисподняя. И только в дальнем от входа углу верхних нар обычно царила гробовая тишина, изредка нарушаемая турельным треском «пулемёта» (тасовкой самодельных карт).

Вспомнилось, как однажды Косой, толстый и круглый, как колобок, которого вернули с «химии», или «химик» (так называли тех осуждённых, которых приговаривали к УДО: «условно досрочному освобождению с обязательным привлечением к труду на стройках народного хозяйства»; это наказание появилось с 1960 года, для того чтобы поднять стройку химических предприятий страны), видимо, настолько увлёкся игрой, что забылся и при раздаче высоко поднял руки с картами. А вертухай «пробил» игру в глазок и так неожиданно влетел с корпусным в камеру, что «пулемёт» спрятать не успели, и его, конечно же, отметили.

Ругаясь на чём свет стоит и кляня не только вертухаев, но и Косого, все разбрелись по своим местам, чтобы вновь заняться изготовлением новых «стир», то есть тюремных карт.

А это, следует заметить, весьма трудоёмкая и кропотливая работа. Приведу ради интереса несколько основных её этапов: главное – из хлеба нужно сделать клей, причём выдержан-

ный несколько дней, процеженный через марлю или материю в нужной консистенции; далее нарезать из газетной бумаги заготовки нужного размера, которые в несколько слоев необходимо склеить между собой и дать им хорошо просохнуть; затем при помощи сохранённого при всех шмонах обыкновенного стёклышка по-особому «заточить» эти склеенные заготовки, чтобы при тасовке они легко скользили между собой, а их края не лохматились; когда заготовки закончены и легко гнутся, к делу приступает художник...

Причём это нужно проделать настолько тайно и скрытно, чтобы не заметили менты, которые тут же их отшмонают, и всё надо будет начинать сначала...

Внимательно осмотревшись, я заметил, что единственное свободное место находится рядом с «дальняком», ранее мною описанным.

– Привет, земляки! – неожиданно для самого себя уверенно бросил я.

– Привет! – откликнулось несколько голосов.

Под пронзительно испытывающими взглядами я прошёл по всей камере от дверей до самого окна, закрытого не только мощной решёткой, но и «намордником». Именно так называлась дополнительная решётка снаружи окна, полоски которой были приварены внахлест таким образом, что при желании можно было рассмотреть лишь кусочек неба.

Не найдя ни одного свободного места и вспомнив наставления, полученные от Константина в «отстойнике», я решительно подошёл к двери и начал стучать кулаком.

Вскоре «кормушка» откинулась, и раздался недовольный голос вертухая:

– Чего надоть?

– Куда вы меня сунули? Я что, стоя спать должен? – нагло спросил я.

Пригнувшись, вертухай внимательно осмотрел камеру и спокойно заметил:

– Есть же одно место...

– Вот ты сам и ложись у параши! – зло произнёс я.

Он ничего не сказал, а «кормушка» захлопнулась.

Краем глаза я заметил, что взгляды обитателей камеры если и не стали дружескими, то явно потеплели и в них появился некоторый интерес.

– Сейчас тебе «вертолёт» подгонят! – заметил кто-то.

Мне показалось, что меня подкалывают, и уже хотел огрызнуться подобающим образом, но тут противно лязгнул дверной замок, дверь широко распахнулась, и два зэка в рабочих костюмах внесли деревянный лежак, точь-в-точь похожий на те, какими пользуются отдыхающие на курортных пляжах.

– Придётся тебе, земляк, на «вертолёте» пока поваляться, – тихо произнёс один из тех, что внёс лежак.

Подхватив деревянный лежак, остроумно названный зэками «вертолёт», я ничего не ответил, поднёс его к окну, опустил на пол и разложил на нём матрац. После чего я отлично осознал, что наверняка в этой камере придётся жить какое-то время. (Тогда мне и в страшном сне не могло присниться, что в этом помещении проведу чуть менее года!) Я достал из своего узелка сигареты «Столичные», подошёл к столу посередине камеры, небрежно бросил на него пачку и громко объявил:

– Это на «общак», земляки!

Затем вернулся к своей «постели-вертолёту», накрылся матрасовкой и, чуть прикрыв глаза, стал наблюдать за тем, кто первым подойдёт к моему «подогреву».

Судя по всему, в камере собрались персонажи разношёрстные. Определились явные лидеры, причём, я это отметил сразу, старшим был длинный сухощавый парень лет двадцати пяти. Он не подошёл к столу, но свою долю, пять сигарет, получил: первый из подошедших к пачке небрежно раскрыл её, демонстративно взял сначала пять штук, потом ещё две, вернулся на нижнюю шконку к окну справа и протянул большую долю своему длинноногому соседу. После него к столу подошли ещё трое парней, явно из того же круга, они взяли по одной сига-

ретке, и только после этого к пачке потянулись другие, но уже не так уверенно, как первая четвёрка. Эти хватали торопливо, явно стараясь успеть поживиться неожиданно свалившейся «вольной» сигареткой.

Я сразу понял, что это так называемые быки, которые проголосуют за любого, кто вовремя подкормит их. Возле самого «дальняка» лежал молодой паренёк с довольно смазливый лицом. Не успел я подумать о том, что он – местная «девочка», как тот, что первым подошёл к моему «подарку», достаточно громко выкрикнул:

– «Люська», сюда!

Паренёк, словно только и ждал, когда его позовут, быстро подскочил к длинноногую, но остановился на почтительном расстоянии.

– Это тебе, сучка! – Длинноногий бросил ему сигаретку.

– Спасибо тебе, Кешенька мой! – счастливо пролепетал паренёк, поднимая с пола сигарету. – Ты такой милый! – с чисто женским жеманством добавил он. – Я просто тащусь от тебя! – Он выжидающе уставился на него преданными глазами.

– В другой раз! – поморщился тот и отмахнулся. – Свободна, сучка!

Тот пожал плечами, повернулся и поспешил на своё место, виляя упитанным задом и негромко напевая любимую, как выяснилось позднее, песню своего покровителя:

Я чёрная моль, я летучая мышь...

Вино и мужчины – моя атмосфера...

«Люську» с огромным нетерпением ожидала «подружка» по имени «Машка», с которой они, несколько не стесняясь, миловались, и иногда настолько бурно, что кто-то из близлежащих не выдерживал и пинками заставлял их вести себя потише...

В последнее время всё чаще и чаще натыкаешься в средствах массовой информации на тему секса в пенитенциарных учреждениях. Скажу сразу, исходя из собственного опыта: первые мысли о сексе возникли где-то месяца через три-четыре. И это притом, что я по природе гиперсексуальный человек: воздержание сроком более чем неделя настолько плохо отражается на моём самочувствии, что я становлюсь нервным и раздражительным.

Первое время после ареста все мысли крутятся вокруг внезапного изменения всей твоей жизни. В воспалённом мозгу постоянно мечутся одни и те же мысли:

«Почему это случилось? Как Бог допустил такое? Где справедливость?»

Чуть позднее появляется ощущение, что тебе это просто снится:

«Вот сейчас проснусь и от души посмеюсь над своим глупым сном...»

Однако идут дни, ничего не меняется, а ты продолжаешь просыпаться в переполненной камере с ужасающе спёртым воздухом.

Проходит ещё некоторое время, и ты, доведённый до отчаяния, начинаешь проклинать своих родных и близких, которые совершенно забыли о твоём существовании. Этот период самый трудный в местах лишения свободы, особенно для слабых духом. Именно в этот период, доведённый своими мыслями до полной безнадежности и отчаяния, тем более если тебя действительно по какой-то причине никто из твоих близких родных не навещает. Не посылает передач или хотя бы через следователя или адвоката не передаёт слов поддержки, ты, совсем несчастный человек, обозлённый на весь белый свет, опускаешься до того, что машешь на себя рукой, и тебе становится всё безразлично. В такие моменты человек с более тонкой психикой может даже и наложить на себя руки...

Кстати, если у человека подобного типа это был не спонтанный порыв, а всерьёз обдуманное решение, то, потерпев неудачу, он пытается вновь и вновь осуществить свой план и действительно уходит в мир иной...

Где-то после двух месяцев пребывания в Бутырской тюрьме меня тоже охватило нечто подобное, и мне стало всё вокруг безразлично. К счастью, во-первых, у меня сильная воля, во-вторых, в этот момент рядом со мной оказался Юрий, человек, уже переживший похожее состояние и относившийся ко мне с симпатией, а потому нашедший нужные слова и вернувший мне уверенность в себе.

Юрию было лет под сорок. Он не относился к блатным, но его заметно уважали, и не только потому, что сидел в этой камере едва ли не дольше всех, но и за то, что никогда ни во что не вмешивался, был немногословен, но если интересовались его мнением, всегда высказывался коротко и со знанием дела. Юрий ни с кем не сблизился, но у меня с ним почти сразу установились настолько теплые и доверительные отношения, что вскоре он поведал некоторые подробности своей жизни...

Под сроком он оказался во второй раз. Юрий работал старшим прорабом на стройке, и несколько лет назад во время его смены погиб крановщик. Погиб по собственной вине, нарушив правила техники безопасности. Не разобравшись толком в происшествии, молодой следователь выдвинул обвинение против Юрия и сразу взял его под стражу.

В тот раз Юрий провёл в Бутырской тюрьме более полутора лет. Следствие, несмотря на все усилия молодого следователя, так и не смогло установить его вину, но в те времена «невиновные в тюрьме не сидели», а потому Суд состоялся, Юрия обвинили в преступной халатности и ограничили полутора годами лишения свободы, то есть тем сроком, который он уже отсидел.

Начальство, чувствуя вину перед ним, повысило его в должности, назначив Юрия заместителем управляющего трестом. Казалось бы, справедливость восторжествовала и не за горами была должность управляющего трестом, но... человек полагает, а Бог располагает. Незадолго до ухода на пенсию непосредственный начальник Юрия на словах приказывает ему отгрузить три вагона стройматериалов их смежникам, обещая подослать письменное распоряжение.

И то ли забыл это сделать, то ли специально не сделал этого, а стройматериалы «ушли налево». Возбудили уголовное дело, управляющий наотрез отказался от того, что давал устный приказ об отгрузке, и Юрию грозил внушительный срок по статье «хищение государственной собственности в особо крупных размерах».

А у него жена и трое несовершеннолетних детей: старшему – четырнадцать, среднему – девять, младшей, дочке – четыре годика. Юрий был очень сдержанным человеком, но стоило ему заговорить о детях, как глаза мгновенно становились мокрыми, а на скулах начинали играть желваки. Судя по тому, как ему регулярно присылались посылки, жена продолжала его любить и надеялась, что справедливость и на этот раз восторжествует.

Кстати сказать, в том, что меня никто не навещал и не посылал передач, виноват только я сам, категорически запретив следователю сообщать матери и родственникам о моём аресте. Почему? Во-первых, не хотелось травмировать её понапрасну; во-вторых, по своей наивности я был твёрдо уверен, что из зала Суда, если не раньше, я выйду на свободу...

Прошло ещё немного времени, и однажды ночью мне вдруг приснилась голая баба! Не какая-то определённая знакомая, а совершенно чужая, лицо которой я видел впервые. Но какие формы она имела... Боже мой! Я так увлекся её созерцанием, что проснулся от ощущения того, что «мой приятель» просто лопнет от напряжения.

Проснулся и тут же обнаружил, что мои трусы стали влажными. К тому времени я уже знал, что онанизм не очень приветствуется в местах лишения свободы, а потому почувствовал себя весьма неудобно, а уж вставать и вовсе не хотелось: вдруг промокли и брюки? С трудом заставил себя уснуть, и на этот раз «незнакомка» мне не являлась...

Постепенно, взяв себя в руки, я заставил себя не думать о женщинах, чтобы не пробуждать лишних эмоций. Это было как тренинг, которым я постоянно начинал свой новый день.

Проснувшись утром и незадолго до сна я убеждал себя в том, что единственная женщина на свете для меня – мама. Как ни странно, но это помогало, и я «спокойно» продержался ещё около пяти месяцев. Но однажды, просматривая оставленную мне одним талантливым соседом тетрадь, я наткнулся на его удивительные зарисовки, напоминавшие позы «Ка-масутры».

Рисунки сделаны были столь профессионально и жизнеподобно, что мозг мгновенно подключил прогоняемые мною видения. И тренинг уже несколько не помогал, несмотря на все мои старания: всякий раз перед сном я уже знал, что мне приснится. Самое интересное, что я с нетерпением ожидал того момента, когда удалюсь в свои эротические фантазии.

В один из таких дней у меня настолько разболелась голова, что я, никогда не подходивший к «кормушке», когда прибывала аптека (шнырь санчасти из эков в сопровождении медсестры или фельдшера, с тележкой на колесиках, наполненной различными лекарствами), дождался, когда отойдет последний, наклонился и выглянул в «кормушку».

Рядом с тележкой лекарств стояла молодая, лет двадцати, девушка в белоснежном халате и медицинском колпаке, из-под которого кокетливо выбивалась завитушка чёрных волос. Её лицо показалось мне самым прекрасным из всех, которые я видел в своей жизни, а в её голубых глазах мне сразу захотелось утонуть навсегда.

К моему огромному счастью, шныря рядом не было, и почему-то мне подумалось, что это очень хороший знак:

– Что у вас? – деловито спросила она, не глядя в мою сторону.

– Не знаю, ласточка, голова просто раскалывается! – ответил я, стараясь придать голосу как можно больше нежности, но проговорил так тихо, чтобы не услышал никто, кроме неё.

Она вдруг взглянула на меня, чуть заметно вздрогнула и быстро осмотрелась вокруг, не слышал ли кто, затем снова взглянула на меня и почему-то густо покраснела. Тогда мне подумалось, что, наверное, в моём взгляде всё было настолько красноречиво, что и слов не требовалось.

– Правда болит? – так же тихо спросила она, а в голосе было столько растерянности, словно она хотела услышать нечто такое, чтобы снова стать строгой и неприступной.

– Истинная правда! – кивнул я, не понимая причин её растерянности. – Болит... и сердце тоже... – ещё тише добавил я, а чтобы не дать ей опомниться, сказал в оправдание: – Вы же видите меня впервые, за более чем девять месяцев я первый раз обратился к вам... – Мне думалось, что это заставит поверить девушку: обычно тот, кто хотел «приколоться» к женскому полу, всякий раз бросался к «кормушке» и готов был жаловаться на что угодно, лишь бы провести некоторое время с той, от кого «пахнет» настоящей женщиной.

Откуда мне было знать, что девушка работает фельдшером лишь несколько дней и это её первый обход. Откуда мне было знать, что смущение навеяно совсем не тем, о чём думал я. В тот момент мне казалось, что в моём голосе было нечто, заставившее её вопреки всяким инструкциям заговорить на обычном человеческом языке:

– Давно болит?

– Третий день...

– Такое бывало раньше?

– Нет, впервые...

– Даже и не знаю, что вам предложить... – растерянно проговорила она.

– Может, давление подскочило? – предположил я.

– Ладно, я вас вызову... – после недолгих размышлений ответила она.

– Как вас зовут? – прошептал я.

– Гражданин фельдшер, – машинально ответила она, думая о чём-то своём, потом взялась за «кормушку».

– И всё-таки? – настойчиво прошептал я и чуть-чуть прикоснулся к её наманикюренным пальчикам.

Словно какая-то искра пробежала по нашим телам, у меня даже пот выступил, «мой приятель» мгновенно вздыбился в полном нетерпении, а девушка снова чуть заметно вздрогнула, но руки не отдернула.

Помедлив мгновение, как бы раздумывая, она тихо прошептала, многозначительно глядя мне в глаза:

– Тамара. – Потом резко захлопнула «кормушку».

Словно получив нокдаун на ринге или выпив стакан доброго вина, я вернулся на своё место. Кровь стучала в висках, а сердце ухало столь бурно, что казалось, ещё немного, и оно выскочит из груди.

– Что с тобой, Режиссёр? – взглянув на меня, спросил Юрий. – Так сильно голова болит?

– Ага, – соврал я и прилёг на шконку.

Честно говоря, после прикосновения к руке Тамары я стал прекрасно себя чувствовать. Какая, к чёрту, головная боль? В тот момент у меня была одна «головная боль»: выполнит ли Тамара своё обещание?

Я вспомнил себя тринадцатилетним, когда удалось договориться с одной девчонкой, что мы с ней станем «мужем и женой». Казалось, ни до того давнего прикосновения, ни после оно у меня уже никогда не испытывал подобных ощущений. Меня колотило, будто от сильного жара или лихорадки, перехватывало дыхание, неожиданно захотелось всё ломать и крушить.

Не знаю, чем бы закончился тот день, если бы не послышался скрежет дверного замка и зычный голос не выкрикнул:

– Доценко! Слегка!

Вызов «слегка» означает с возвратом в камеру: встреча со следователем, адвокатом, врачом.

– Куда это тебя? – удивлённо спросил Юрий.

– Не знаю, может, следак пришёл или адвокат... – старательно сохраняя беспечный вид, ответил я, хотя и было внутреннее убеждение, что Тамара выполнила своё обещание.

Процедурная комната нашего этажа находилась в другом конце коридора, но этот путь показался мне слишком коротким. Я перебрал, вероятно, тысячу вариантов моего возможного поведения с Тамарой. Понимая, что, может быть, это мой единственный шанс пообщаться с противоположным полом за почти годичное время пребывания под следствием. (Почему-то мне и в голову не приходило, что это может продлиться долгие годы.) И я взвешивал всевозможные случайности, которые могут помешать ещё хотя бы раз прикоснуться к её руке, даже помечтать о других частях тела я не решался.

От одной мысли, что вновь прикоснусь к её руке, во мне до «красной метки» подскакивал адреналин в крови и зашкаливало кровяное давление. Молотом стучала одна и та же мысль:

«Господи! Пусть Тамара будет одна в кабинете!»

И вот передо мной ЕЁ кабинет.

Нагло вставив ключом в дверь, вертухай подождал, когда Тамара откроет:

– Задержанный по статье двести шестой, части первой УК РСФСР, Доценко Виктор Николаевич, доставлен по вашему распоряжению!

– Хорошо! Пусть войдёт! – сказала Тамара, явно сдерживая волнение.

– Мне войти с ним? – поинтересовался сопровождающий, и у меня тут же всё замерло внутри.

– Нет, посидите у кабинета! – услышал я с явным облегчением.

Войдя внутрь, я взглянул на Тамару и увидел в её глазах явное волнение. Нет, не страх, не настороженность, а чисто женское волнение. Волнение, какое испытывает женщина, находясь рядом с мужчиной, к которому она чувствует некое влечение. Может быть, я ошибаюсь и мне всё просто кажется?

Понимая, что времени в обрез и нужно спешить, а у меня даже нет ответа на вопрос, как себя вести с ней, я решился провести «разведку осторожного боя», для чего, не отрывая взгляда от её глаз, завёл руку за спину и осторожно, стараясь не произвести лишнего шума, повернул ключ в замке. Мне пришло в голову, что Тамара специально оставила ключ в замочной скважине, а если нет, то я тут же услышу недовольный голос: «Что вы делаете? Откройте немедленно!»

Я действительно услышал эти слова:

– Что вы делаете, Доценко? Откройте...

Её голос был таким тихим, а в нём звучало столько волнения, что не нужно было никакого переводчика, чтобы понять правильно её состояние:

«Господи, Доценко, ты же знаешь, как у нас мало времени...»

Вероятно, у меня было такое желание в глазах, что, когда я, молча и медленно, шагнул к ней, в глазах Тамары я прочёл нечто напомнившее мне тот самый зачарованный взгляд кролика, когда на него глядит в упор удав.

– Что вы?.. Зачем?.. – чуть слышно прошептала она.

– Я... нет... – лепетал мой язык: я ничего не соображал. – Я совсем не то, что вы думаете... – шептал я, продвигаясь всё ближе и ближе.

– Не нужно... – шептала Тамара, но её глаза кричали совсем о другом.

Наконец я оказался рядом с её огнедышащим телом, мои дрожащие от нетерпения руки осторожно прикоснулись к её бедрам и, словно руки слепого, не желая спугнуть, но испытывая удивительное счастье от неизбежного, как мне казалось, конца, медленно поползли к заветному месту, оценивая по пути, что скрывается под белоснежным медицинским одеянием.

Желание моё было столь сильным, а чувства столь обострёнными, что казалось, я слышу не только все шорохи вокруг, но даже как ровно бьётся сердце вертухая, оставшегося в коридоре.

С огромным трудом сдерживаясь от нетерпения, чтобы не наброситься на девушку, я шептал что-то несурзкое, малопонятное, но, как мне казалось, весьма притягательное:

– Тамарочка... ты даже не представляешь, какая ты удивительно прекрасная... Господи, что ты со мной делаешь? – вопрошал я, а она, всё чаще дыша, тихо постанывала, ватно опуская одну руку к моей руке, другой же обнимая меня за плечи.

В этот момент мои руки, тщательно исследуя её бедра поверх бархатистого халата и не ощутив знакомого рельефа трусиков, отвоевывали всё большее пространство, не обращая внимания на не очень упорное сопротивление её руки, которая вроде бы и пыталась помешать исследованиям, но на самом деле ненавязчиво направляла их в нужном направлении. Наконец-то моя рука добралась до края полы халата и ощутила прохладно-гладкую поверхность капрона.

На миг посетила шальная мысль: «Если это колготки, то снимать не буду – порву к чёртовой матери!»

Однако почти тут же пальцы наткнулись на такой знакомый предмет, как резинка от пояса: «деја ву»! И вот уже мои пальцы ощутили бархатистую кожу девушки. Мои ноги чуть подкосились, пальцы одеревенели, замерли, казалось, что я сейчас потеряю сознание.

Вероятно, нечто подобное ощущала и Тамара: её глаза были прикрыты, от прерывистого дыхания внушительная упругая грудь то поднималась, то опускалась – девушка явно находилась в предобморочном состоянии. Казалось, выпусти я её из рук, и она тут же рухнет на пол.

Я совсем потерял голову, утратил способность трезво соображать: в любой момент могли постучать в дверь, и конечно же сразу открыть замок будет невозможно. Начнут стучать настойчивее, возникнут подозрения... Мне-то что, а Тамару, естественно, уволят с работы! Да и мне не «что»...

Много лет спустя в одной колонии произошёл подобный случай. Один заключённый заигрывал с заведующей магазином, в котором отоваривались зэки. Видно, и ей, сорокалетней матери-одиночке, было лестно ухаживание двадцатипятилетнего самца. Короче говоря, всеми правдами и неправдами, не без её участия, парня назначили работать «шнырём» к ней в магазин. Трудно сказать, сколько раз в неделю они занимались эротическими играми, я свечку не держал, да и они были максимально осторожны, всё время закрывая замок на собачку. Магазин был довольно большой, и, находясь на его складе, можно было не услышать, что кто-то стучит в дверь. Этим они и пользовались.

Но однажды отсутствие бдительности подвело их: они забыли опустить собачку и настолько увлеклись своим важным занятием, что не услышали, как тарабанили в дверь. Но на этот раз за дверью оказался не зэк, даже не какой-то там прапорщик: в дверь стучался сам «Старший Кум» – кто ещё не знает, это Начальник оперативной части колонии или тюрьмы.

Поговаривали, что бедных влюблённых кто-то просто-напросто подставил, потому что стучать «Старший Кум» начал сразу ногой, словно не сомневался, с чем он столкнётся. Когда же никто не отозвался, он открыл дверь запасным ключом.

Представляете картинку: на склад вместе с сопровождающим его ДПНК входит «Старший Кум», а там, с задранной на спину подолом, согнувшись в три погибели, стоит мать-одиночка и, постанывая от удовольствия, двигает внушительной попой взад-вперёд. Можно только догадываться, что ожидало эту бедную женщину.

Тем более, как поговаривали, в своё время она отказалась лечь в постель с этим самым «Старшим Кумом». Нужно отдать должное мгновенной женской сообразительности: в момент появления непрошенных гостей женщина случайно увидела их отражение в до блеска начищенном никелированном чайнике и, недолго думая, во весь голос завопила:

– Помогите, насилуют!

При всем при этом, однако, не прекратила своих телодвижений – картинка не для слабонервных.

Закончилось всё печально, но в основном пострадал только бедный парень: его «крутанули» по сто семнадцатой статье УК РСФСР (статья за изнасилование). К его семи годам за разбой добавили ещё шесть и отправили на другую зону, а женщину, учитывая, что она мать-одиночка, не подвели под статью, но тоже перевели на другую зону и на другую должность...

Представляете, что могло меня ожидать, начни кто стучать в дверь санчасти? Но, видимо, мой ангел-хранитель в тот день не отвлекся... Не в силах более сдерживаться, я распахнул халат, обнаружил, что на девушке нет трусиков, и понял, что Тамара меня ждала. С огромным трудом сдерживая себя, чтобы на неё не наброситься, нежно провёл пальцем между её нижними губками, и они мгновенно источились нетерпеливым соком. Она томно простонала и задвигала бедрами из стороны в сторону, призывая меня к более решительным действиям.

Осторожно, чтобы не смахнуть что-нибудь со стола, я опрокинул Тамару на спину, спустил штаны одновременно с трусами на кафельный пол, выпустил на волю своего «ясного сокола», который не стал церемониться и, расправив крылья, со всего маху влетел в чувственную пещеру, а я судорожно высвободил на волю её красивую грудь. Каким-то чудом, а может быть, и ангел-хранитель подсказал, буквально за секунду до нашего безумного поступка я плотно зажал ей рот, и она тут же громко застонала. Если бы не я, её крик подвёл бы нас под монастырь.

После четырёх месяцев воздержания желание было столь сильным, что моему «ясному соколу» хватило нескольких взмахов крыльями, чтобы выплеснуться мощным потоком любовного эликсира. По всей видимости, и Тамара была готова к такому повороту: буквально через секунду её страстный нектар вырвался на свободу и устремился навстречу моему потоку. Они столкнулись, смешались в нетерпении, я впился губами в её твёрдый розовый сосочек и, обессиленный, замер, словно из меня, как из воздушного шарика, вышел весь воздух.

– А ведь ты, Витюша, так меня и не узнал, – тихо прошептала Тамара, ласково глядя наманикюренными пальчиками мою бритую голову.

– Разве мы знакомы? – удивлённо проговорил я, с трудом отрывая голову от её груди: чувство стыда мигом прокатилось по телу, и лицо моё залилось краской.

– Да и как можно было запомнить глупую девчонку, когда вокруг было столько красивых девушек? – Тамара мило рассмеялась.

– Господи, не томи! – взмолился я.

– Пицунда... море... яркое южное солнце... – перечисляла Тамара, пытаясь направить мои мысли...

В Пицунде я был всего один раз в спортивном лагере МГУ. Я окунулся в воспоминания, и тут передо мною действительно возник образ не очень складной девочки с огромными голубыми глазами. Я вспомнил её, в то время я пытался ухаживать за её сестрёнкой, но мои попытки не привели к какому-то конкретному результату, остались лишь воспоминания от её прекрасной фигурки и нежного аромата чувственных губ:

– Я встречался с твоей сестрёнкой, Наташей, кажется?

– Я же тогда влюбилась в тебя без памяти! – призналась Тамара. – Как же я завидовала Наташке!

– Нашла чему завидовать – у нас же с ней ничего не было! – с грустью заметил я.

– Я знаю... Ну и дура она: всех пацанов за нос водила, а сейчас осталась одна с двумя детьми на руках.

– Ты даже не можешь себе представить, как я рад тебя опять встретить! – тихо проговорил я и на этот раз страстно впился в её губы.

Тамара вновь застонала в сладостной истоме, затем обхватила моего «ясного сокола» и требовательно направила его полёт снова в свои недра, нетерпеливо изнывающие в томительном ожидании. И снова мы вознеслись в любовном вихре, но на этот раз мой «сокол» был неутомим, и ей пришлось излиться своим нектаром несколько раз, прежде чем он смилился над ней и выдал ей свой эликсир:

– Да... да... да... милый... родной мой... – шептали её губы, а её нежные пальчики порхали по моей спине.

Когда всё закончилось, Тамара спустилась со стола и благодарно коснулась губами моего «ясного сокола».

– Спасибо тебе, милый, я никогда не испытывала ничего подобного!

Быстро приведя себя в порядок, мы обняли друг друга так нежно и ласково, словно знали, что больше никогда не увидимся.

– Когда ты снова меня вызовешь? – спросил я, губами прикасаясь к её уху.

– Боже, что ты делаешь? – томно постанывая, прошептала Тамара. – Ну перестань, а то твой страж что-нибудь заподозрит. Моя смена послезавтра...

– Кстати, что ты ему сказала? – кивнул я на дверь.

– Что у тебя, похоже, гипертонический криз, а может быть, и отравление... Температуру нужно замерить, давление, клизму сделать...

– Клизму? – Я поморщился.

– И не мечтай! – Она усмехнулась, достала из сейфа какой-то флакон, высыпала из него с десяток таблеток, потом вытащила из стола пачку каких-то желудочных таблеток, высыпала их на стол, вместо них положила те, что достала из сейфа, и сунула мне в карман.

– Что это?

– Эфедрин... Насколько мне известно, за каждую таблетку можно пачку «Столичных» выменять. А это съешь здесь. – Она протянула мне пару домашних пирожков с мясом.

Ничего вкуснее я не ел ни до, ни после, во всяком случае, мне тогда так показалось...

Вернувшись в камеру, я стал с нетерпением ожидать, когда наступит послезавтра, но... Недаром говорится: человек полагает, а Бог располагает...

Наступило послезавтра, и меня ранним утром выдернули на этап...

Однако вернёмся в тот далёкий день, когда я впервые очутился в камере, где пришлось коротать долгие месяцы...

Наблюдая за суетой вокруг моей пачки сигарет, отданной «на общак», я довольно скоро уснул: день был так перенасыщен событиями, что организму требовался отдых.

Проснулся я от громкого лязганья замка в двери, после чего откинулась «кормушка» и зычный голос громко оповестил:

– Проверка!

Обитатели камеры попрыгивали с нар и выстроились в проходе в две шеренги лицом друг к другу. Распахнулась дверь, и в камеру вошли два вертухая с дежурным корпусным, держащим в руках пластиковую доску с фамилиями, находившихся в нашей камере. Он принялся их выкрикивать, после чего обладатель названной фамилии должен был сделать шаг вперед, назвать своё имя, отчество и статью, по которой он содержится под стражей, и вернуться назад.

Сия процедура проходила для меня впервые, и я, видно, спросонья допустил некий ляп, чем развеселил не только соратников по камере, но и сопровождающих угрюмого дежурного корпусного вертухаев:

– Артёмов!

– Я! – Вызванный сделал шаг вперед и продолжил: – Юрий Иванович, двести девятая, часть первая...

– Васильев!

– Я! – Шаг вперед. – Антон Григорьевич, восемьдесят восьмая, часть вторая...

– Доценко!

– Виктор Николаевич, двести шестая, часть первая, – доложил я, после чего сделал шаг вперед и добавил: – Здесь!

– А куда ты, на фуй, денешься с подводной лодки! – проговорил с очевидным сарказмом корпусной.

Все громко рассмеялись, по достоинству оценив шутку корпусного, угрюмость которого мгновенно прошла, и после проверки он даже снизошел к редкому для него вопросу:

– Есть ли у кого просьбы? – После чего внимательно записал, что в камере кончилась бумага и нет чёрных ниток, затем, забрав письма и заявления, вышел.

Все разбрелись по своим местам, а игроки вернулись к неоконченным играм. Сначала я подошел к шахматистам, но вскоре понял, что они играют весьма слабо, и переключился на тех, кто использовал костяшки домино для какой-то незнакомой игры.

– Значит, «баклан»? – спросил один из играющих, тот самый длинноногий парень лет тридцати, который, как мне показалось, держал в этой «хате» мазу.

Я уже знал, что «баклан» – это тот, кого раскручивают по статье о хулиганстве. И в этом определении нет ничего обидного, тем не менее лично для меня это слово имело некий ехидный оттенок.

(Почему-то сразу вспомнилось проживание на Сахалине, где часто встречались птицы, похожие на чаек, но это были не чайки, а бакланы, или, как их называли, «морские вороны», прожорливые, наглые твари, которые всё время копались в помойке), и мне совсем не хотелось отвечать улыбкой на попытку незнакомца пошутить.

– И что? – не очень дружелюбно спросил я.

– Ничего, просто уточняю... – пояснил длинноногий. – «Объебон» уже всучили?

– Какой «объебон»? – не понял я.

– Ты что, по первой ходке?

– По первой... – Я был настроже и готов был взорваться в любую минуту.

– «Объёбон» – это обвинительное заключение... – спокойно пояснил тот.

– Нет, пока не всучили, – спуская пары, сказал я, отметив про себя необъятное богатство «могучего русского языка».

Прошу прощения у моих Читателей, но я вынужден отвлечься от воспоминаний: только что позвонил мой братишка – Андрей Ростовский и сообщил о трагическом происшествии. Несколько часов назад погиб в автомобильной катастрофе Дато Ушба, известный в криминальных кругах «Вор в законе». Погиб недалеко от дома Ростовского, к которому ехал в гости.

Для тех, кто не читал один из последних моих романов, в котором я достаточно подробно написал об этом человеке, кратко расскажу его историю...

«Отец Давида, или, как его звали близкие, Дато, Тенгиз был „Вором в законе“, и его погоняло тоже было Ушба. Он погиб в автомобильной катастрофе в тридцать три года, то есть в возрасте Христа, когда маленькому Дато ещё не исполнилось и пяти лет. Прекрасная Динара, его мать, приняла решение не предавать тело мужа земле: она забальзамировала его и поместила в выстроенный на местном кладбище самый большой мавзолей. Более тринадцати (!) лет Динара ухаживала за телом любимого мужа, ежедневно обмывала его, всё время переодевала, следила за сохранностью, смазывала специальными мазями и благовониями, пока не вспыхнула межнациональная война, во время которой тело её покойного мужа выкрали недруги и потребовали за него большой денежный выкуп.

Дато, сын покойного, поклялся отомстить виновным в этом тяжком святотатстве и вернуть тело отца без какого-либо выкупа. Он выполнил свою клятву, и виновные в похищении скоро были наказаны. Но тело Тенгиза сильно пострадало, и Динара решила всё-таки предать его земле.

Вскоре на молодого Дато „надели шапку Вора“, то есть „короновали“ в „Вора в законе“. И он взял себе в память об отце его воровское погоняло – Ушба.

Шесть лет не дожидаясь Дато до возраста Христа, и тоже, как отец, погиб в автомобильной катастрофе. Как тут не вспомнить о народном поверье, что имя человека, умершего не своей смертью, несёт за собой и его судьбу.

Хоронили Дато Ушбу на родине, но перед отправкой из Москвы для поминаения и последнего прощания привезли его в церковь на Грузинском Валу. Более полутора тысяч человек, среди которых были и сорок „Воров в законе“, приехали из разных городов страны, чтобы проводить в последний путь уважаемого ими погибшего...

Когда вместе с Ростовским, его женой Ксюшей и ребятами из его команды мы вошли в церковь, то были оглушены душераздирающими причитаниями несчастной Динары, матери погибшего, совсем поседевшей от безутешного горя.

Казалось, эти крики могут поднять даже из гроба, но Ушба лежал в богатом красивом гробу спокойно и безмятежно, своим видом словно говоря всем, что все земные тревоги и переживания его уже не касаются: он перешёл в иное измерение, называемое Вечность.

Комок подкатывал к горлу, когда жена погибшего Дато Ушбы по имени Леся подносила к гробу его полуторагодовалую дочку с красивым именем Софико, до которой ещё и не доходило, что она в последний раз видит своего отца. Но стенания бабушки, слёзы присутствующих и обстановка вокруг внушили тревогу этой маленькой девочке, и мокрые глаза её были совсем повзрослому грустны и печальны.

Увидев меня, Динара, сидя на ковре в окружении своих родственников, разрыдалась ещё больше и громко воскликнула:

– Витюша, дорогой мой Датико всегда носил с собой твою книгу. Он очень любил тебя... – Она горько расплакалась.

Я преклонил перед ней колени, обнял её за плечи и со слезами на глазах почему-то прошептал ей на ухо не совсем то, что хотел:

– Видно, Всевышнему стало скучно. И он решил призвать к себе лучших из нас. Держись, дорогая Динара, сейчас Датико гораздо лучше, чем нам, грешным...

Не знаю, что больше подействовало на Динару – мои странные слова или умиротворяющий голос, – но она вдруг отстранилась, не выпуская мои плечи из своих рук, несколько мгновений смотрела, не моргая, мне в глаза, потом с тихой печалью прошептала:

– Спасибо тебе, Витюша...

Я так и не понял до сих пор, за что в тот момент поблагодарила меня несчастная Динара. За попытку успокоить, за моё отношение к её сыну или за то, что я написал правду о самых близких и любимых её мужчинах – супруге и сыне, носивших одно воровское имя Ушба и принявших одинаковую судьбу от Всевышнего.

Помню, что тогда я хотел спросить её об этом, но отвлёкся, заметив некоторое движение при входе в церковь: двое молодых парней тянули какую-то нить к гробу погибшего.

Позднее я поинтересовался, для чего это делалось. И мне пояснили. Оказывается, у кавказских народов существует такой обычай: от места гибели человека до самого гроба, выставленного в церкви для прощания, тянут нить для того, чтобы душа, испуганная неожиданной смертью, не потерялась и нашла путь к своему телу...»

Здесь я должен поведать ещё одну удивительно печальную историю, приключившуюся одновременно с гибелью Ушбы.

Я ещё расскажу о начальнике турбазы «Боровое» – Виталии Чмеруке и о том, как моя жена Наташа с дочкой Юленькой отдыхала прошлым летом на этой турбазе...

«В тот печальный день я, попрощавшись в церкви с Ушбой, отправился за город к моим девочкам, но перед этим, как и всегда, позвонил на мобильник Виталию, чтобы предупредить о своём приезде. Полковник отозвался сразу и сказал, что не сможет меня встретить, так как приедет чуть позднее: находится на похоронах жены своего близкого друга.

Я удивился такому странному совпадению, но расспрашивать подробнее не счёл тактичным и уместным. Как же я удивился, когда Валентина, жена полковника, рассказала, что женщина, которую хоронил Виталий, погибла в автомобильной катастрофе, находясь за рулём своей машины, а её муж – генерал, друг Виталия, был в тот момент рядом и сейчас находится в реанимации. Здесь я уже не удержался от вопросов. И с ужасом узнал, что мы с Виталием, оказывается, хоронили двух людей, погибших в одной и той же катастрофе, но находившихся в разных машинах.

Придумай я нечто в этом духе для одной из своих историй, сказали бы, что в жизни такое невозможно, а оно произошло на самом деле. Кто-то из Великих людей заметил, что рассказ о реальном событии звучит гораздо менее правдоподобно и много страшнее, чем выдуманная автором фантазия...»

– Как залетел-то? – продолжил свои расспросы длинноногий «Авторитет» нашей камеры, играющий за столом.

– А-а... – Я махнул рукой. Мне не очень-то хотелось распространяться о том, как попался на драке, – вроде бы и пострадавший, а сам сижу под следствием, и я рассказал ему часть правды: – Сидели в кафешке с девчонками, праздновали, а кое-кто из посетителей решил проверить, что прочнее – моя голова или винная бутылка.

– И как? – заинтересовался тот.

– Голова выдержала, а бутылка вдребезги... – с некоторой грустью усмехнулся я.

– А потом? – не унимался мой въедливый незнакомец.

– А потом, смахнув с лица кровь и собрав всю волю в кулак, я со всей силы засандалил этой сволочи между глаз.

– А дальше?

– А дальше... – Честно говоря, меня уже начали доставать эти расспросы, но пришлось ответить: – Руки в ноги и бежать вниз по лестнице...

– За ним?

– Нет, от них. – Я снова усмехнулся и пояснил: – Их четверо, а я – один...

– А вот это правильно! – неожиданно согласился тот.

Напряжённое внимание на лицах слушающих разгладилось, и все облегчённо вздохнули, словно действительно переживали за меня, а мой дотошный собеседник протянул мне руку.

– Кешка-Рысь, – произнёс он многозначительно.

– А я просто Виктор, – улыбнулся про себя и ответил крепким рукопожатием.

– Слушай, что-то я не понимаю: за что ты сидишь? – вдруг удивился Кешка-Рысь. – Вроде сам пострадавший... – Он пожал плечами. – Или это твоя версия?

– Не моя, а так было на самом деле! – Мои нервы вновь начали «пружинить».

– А следак чё лепит?

– Говорит, что я зачинщик драки... То есть всё перевернул с ног на голову...

– Они это могут. Видно, те забашляли следаку, тот и перевернул всё для их интереса. –

Он понимающе вздохнул и ехидно спросил: – А кроме того, что боксировал в ресторанах, чем ещё на воле занимался?

– Режиссурой... – не сразу ответил я.

– Ты – режиссёр? – недоверчиво переспросил Кешка-Рысь.

– Режиссёр! И что? – Я недовольно прищурился.

– Да так, ничего. Просто впервые вижу перед собой и разговариваю с режиссёром... – как бы примирительно пояснил тот. – А ты какой режиссёр?

– В смысле? – не понял я.

– Ну... там... в театре, что ли, или?..

– Или... в кино...

– В кино? Да брось ты! – вновь засомневался мой собеседник.

– Хоть брось, хоть подними! В кино! – Я недоуменно пожал плечами, не понимая, чего здесь такого необычного.

– Вот умора! Оказывается, и киношников тоже сажают... – Кешка-Рысь заразительно рассмеялся, и его смех подхватили все сидящие рядом. – Ну, что ж, был «просто Виктор», а будешь теперь «Витка-Режиссёр».

Вот тебе и кликуха! Чем плоха? Так что с тебя пайка сахара причитается!

Я подозрительно уставился на него, ожидая какого-нибудь подвоха.

– Или кликуха тебе не по нраву? – Он прищурился.

– Да нет, вроде ничего... – пожал я плечами и взглянул в глаза рядом сидящих.

Взгляды были спокойные, не насмешливые, а значит, мой визави в самом деле не держал камня за пазухой и плата за кличку – обычное дело.

В этот момент раздался глухой стук в дверь камеры.

– Наша мамка пришла, молочка принесла! – весело воскликнул молодой чернявый парень.

Его левая рука была исковеркана какой-то травмой, а может быть, даже, скорее всего, болезнью, потому она была намного короче правой и сильно усохшей, чем-то напоминая оципанное птичье крыло.

Позднее выяснилось, что это был выборный дежурный по нашей камере, так называемый «шнырь». В его обязанности входило убирать и мыть камеру, раздавать пайки хлеба и сахара, а также во время завтрака, обеда и ужина получать у «балаждёра» ложки, как говорилось ранее, именуемые «вёслами», и после кормления сдавать их, отчитываясь за каждую. За эту работу по камере он получал с каждого обитателя по полкусочка сахара-рафинада и жил довольно сносно, меняя сахар на всё, что ему приглянется, вплоть до одежды. За повреждённую руку, напоминавшую птичье крыло, ему и присвоили кличку «Крылатый».

Здесь необходимо пояснить, что в описываемые Автором времена не было такого понятия, как погоняло, как сейчас, тогда это называли кличкой или прозвищем. Чаще – кличкой, кликухой...

На призыв Крылатого возле кормушки выстроилась очередь, а верхушка камеры, так называемые шерстяные, расселась за столом.

Когда «шнырь» раздал пайки хлеба и сахар – по три с половиной кусочка, – я подошёл к Кешке и протянул ему сахар. Он взял три целых кусочка, а половинку оставил мне.

– Это хорошо, Режиссёр, что долг отдаёшь сразу, – одобрительно проговорил он.

– Я вообще не люблю быть должником, – сказал я и пошёл за своей порцией каши к «кормушке»: в этот день раздавали перловку, отдающую не очень съедобной синевой.

Пристроившись на своём «вертолёте», я быстро разделался с кашей, а суточную пайку хлеба, завязав в узелок, сооружённый из прихваченной из дому майки, положил под подушку и снова попытался уснуть.

Не успел закрыть глаза, как мгновенно попал в царство Морфея. И приснилось мне...

«...события ТОГО ДНЯ, рокового дня – десятого мая. Передо мною возникли такие яркие видения, словно всё это происходило наяву, но происходящее я видел как бы со стороны.

Я пытался, даже во сне, сосредоточиться на встрече с генералом Фёдоровым, но передо мною, словно о чём-то напоминая, калейдоскопом возникали картинки, непосредственно связанные с участниками событий в кафе „Печора“. Чаще всего появлялось лицо того парня, который ударил меня бутылкой. Мозг настойчиво выдавал его, словно действительно пытался что-то подсказать. Но что? Даже во сне я чувствовал, как напрягаются мои мышцы, как лихорадочно работает мозг, пытаюсь найти ответ на этот вопрос.

И когда пришло отчаяние и стало казаться, что все мои попытки тщетны, банк памяти вытащил из самых дальних своих уголков неожиданную картинку: при выходе из гостиницы „Россия“ после встречи с генералом Фёдоровым я едва не столкнулся с этим парнем. Он явно следил за мною. Это не могло быть обыкновенным совпадением. Более того, сейчас, во сне, мне показалось, что его лицо я видел и раньше.

Зацепившись за эту подсказку, мозг заработал с ещё большим рвением, что вскоре принесло результаты. Я действительно вспомнил, откуда мне знакомо это лицо: именно он был среди тех, кто навещал меня в Ленинграде и производил обыск!..»

Глава 5

Бутырские будни

Здесь люди разные сидят:
Кто без вины, кто виноват...
Тем, кто на воле, не понять,
Что происходит в казематах!

Здесь сильный прав! Любовь – сплошные страсти!
Тагуировок разных – пошлый Эрмитаж,
Гнуснейших анекдотов злые басни...
Жизнь уголовная: обманчивый мираж!..

Мой короткий беспокойный сон был прерван самым неожиданным образом:

«...зачинщик злополучной драки в кафе, тот самый парень, которого я впервые увидел на своей ленинградской квартире, уставился на меня и довольно грубо сказал:

– На прогулку!

– На какую прогулку? – удивлённо переспросил я.

– На прогулку! – заорал он во весь голос и...»

...я открыл глаза. Дверь в камеру была отворена настежь, и почти все мои сокамерники выходили и выстраивались «в продоле» – именно так называли в Бутырке огромный коридор между камерами. Оказывается, для нашего корпуса наступило время часовой прогулки в прогулочных двориках.

Прогулочные дворики располагались на самом верхнем этаже Бутырки. Они были примерно такими же, как и камеры, но без бетонного потолка, который заменяли прочные железные решётки, а единственным предметом «мебели» была небольшая скамейка посередине с железными ножками, залитыми в бетонный пол. Сквозь потолочную решётку видно синее небо, в самом центре Бутырской тюрьмы можно рассмотреть обзорную вышку, из которой велось наблюдение за всеми прогулочными двориками. В четырёх углах тоже возвышались вышки с вооружёнными солдатами, а по краю стен по специальным деревянным дорожкам прохаживался дежурный сержант, наблюдавший за гуляющими сидельцами совсем рядом.

Почему-то так получалось, что во время прогулки нашей камеры по краю стены ходил один и тот же сержант: толстый, добродушный, с постоянной улыбкой на большом лице. В то время я не очень разбирался в национальностях и не мог понять, на кого он похож: на узбека, таджика или татарина. Как только не обзывали его обитатели Бутырской тюрьмы: и «чукчей, и абреком, и чучмеком», но он нисколько не обижался, продолжая щериться во весь свой щербатый рот, обнажая мелкие, жёлтые от табака зубы.

При вести о том, что камеру ведут на прогулку, лица многих сокамерников осветились улыбкой: они радовались возможности подышать свежим воздухом, порезвиться «на природе» и увидеть настоящую «волю» – кусочек синего неба.

С удивлением я услышал, как кто-то крикнул:

– Крылатый, мяч захвати!

«Ничего себе, – подумал я, – даже мячу них есть!»

Надо заметить, что не все однозначно отнеслись к такому законному мероприятию, как прогулка: человек пять остались в камере. Кстати, в российских тюрьмах существует неписаное правило, по которому разрешается оставлять в камере во время прогулки не менее трёх чело-

век. Мне кажется, что одного не оставляют, чтобы предотвратить попытку суицида, а двоих – чтобы не случилось какого-нибудь происшествия сексуального характера. Можно подумать, что присутствие свидетеля кого-то остановит...

Построив в две шеренги, нас торопливо пересчитал корпусной дежурный и объявил количество сопровождающему прапорщику, который и повёл нас к месту прогулки. Замыкал колонну напарник прапорщика. Пройдя несколько лестничных пролётов, вскоре мы оказались в помещении метров пять шириной и десять длиной.

Едва дверь за нами захлопнулась, знакомый голос выкрикнул:

– Крылатый, где мяч?

Ожидая увидеть нечто резиновое и надувное, я с трудом удержался от смеха, увидев «мяч». Он оказался обыкновенным небольшим мешочком, сшитым из кусочков матрасовки, набитым различными тряпками и зашитым крупными стёжками. Ни с кем пока не сблизившись, я стоял в сторонке и лениво наблюдал за игрой, мысленно повторяя стихи, возникшие как бы сами собой после первой ночи, проведённой в Бутырской тюрьме.

Назвал я это стихотворение:

Терпению предел

Ох, лампы, эти тусклые лампы!
Не сомкнуть на минуту глаз...
На подмости бездушной рампы
Меня бросил судьбы Указ!

А по камере, словно волки в клетке,
Шагом топчутся вдоль и вширь.
Волчьи взгляды, зрачки-иголки:
Сумасбродный, бездушный мир...

Как охота завывать по-волчьи,
Перегрызть свои вены вдрызг,
Чтобы тёплой июньской ночью
Хлынул ливень кровавых брызг!

Как охота мне, как охота
Ощутить автомата дрожь,
Захлебнуться кровавой икотой,
Поломаться, как в поле рожь!

Я хочу, чтоб отравленной кровью
Прохрипело бы горло: «Прощай!»
Над моей несчастной любовью
Ты не смейся, весёлый май!..

Мою «поэтическую музу» прогнал ехидный вопрос:

– Послушай, Режиссёр, а ты не хочешь мяч погонять? Или ты только боксом увлекался на свободе?

Я вернулся с поэтического Олимпа на грешную землю и увидел перед собой Кешку-Рыся:

– Не только... – возразил я и опрометчиво согласился.

Опрометчиво потому, что если предположить, что до этого дня они действительно играли в прообраз той игры, которая в настоящее время называется мини-футболом, то вполне возможно, что в тот день игра была объявлена исключительно для того, чтобы проверить меня «на вшивость». Не буду перечислять все подлянки, которые устраивали мне игроки противоположной стороны и «товарищи» по команде: всё было подчинено тому, чтобы именно я испытал на собственной шкуре, что значит быть «мячом».

Трудно представить, что было бы с моими ногами и телом, если бы я в своё время не окончил спортивную школу и не имел бы хорошей физической подготовки. Но она-то, слава богу, была! И после нескольких минут силового давления на меня с обеих сторон, во время которого мне удавалось не только избегать столкновений и ударов, но и направлять их усилия друг на друга, противники и игроки моей команды постепенно так увлеклись самой игрой, что забыли про договорённость и начали играть в нормальный мини-футбол.

Силовых столкновений было много, как и нарушений, тем не менее игра в «футбол» оказалась очень азартной, и я получил истинное удовольствие, тем более что наша команда выиграла с перевесом в один мяч.

Мы так увлеклись игрой, что очнулись лишь тогда, когда раздался зычный голос дежурного вертухая:

– Построились!

По пути в камеру Кешка-Рысь одобрительно заметил:

– А ты вроде ничего пацан...

Впрочем, после ТОЙ прогулки, как меня ни уговаривали, я больше не играл в «футбол» и использовал прогулочный час для интенсивной разминки на воздухе, а по утрам регулярно посвящал несколько минут физзарядке. Первое время застоявшиеся мышцы сильно болели, всё тело ломало, а по лицу и спине бежали обильные струйки пота. Но постепенно мышцы, регулярно снабжаемые свежей кровью и кислородом, наполнялись силой, становились эластичными и упругими.

Сначала со всех сторон раздавались ехидные реплики, но я не обращал на них внимания, спокойно продолжая заниматься своим делом, и вскоре от меня отстали. Все настолько привыкли к моим занятиям, что однажды, когда я простудился и решил сделать перерыв, ко мне тут же подошёл один из тех, кто больше всего ехидничал, и с явной тревогой поинтересовался, почему я не тренируюсь...

Незаметно пролетело несколько дней, мало чем отличавшихся друг от друга. Правда, одного моего сокамерника, лежавшего на втором ярусе, вызвали из камеры «с вещами». Вызов с вещами в отличие от «слегка» означал, что он уже не вернётся в камеру. Это могло быть только в трёх случаях: либо после Суда тебя отправляют в Краснопресненскую, то есть в пересылную тюрьму, либо вывозят в другой город по вновь открывшимся обстоятельствам о совершенных ранее преступлениях, либо, что почти невероятно, освобождение.

Я воспользовался тем, что осуждённого вызвали «с вещами», и тут же перебрался на его место. Рядом со мною оказался тот самый Юра, который давно привлек моё внимание своим невозмутимым спокойствием: никогда ни во что не вмешивался, почти всё время молчал, а если и говорил, то только тогда, когда к нему кто-то обращался с вопросом, но отвечал односложно – «да», «нет». В Бутырке он «парился», как я писал ранее, по обвинению в хищении государственной собственности в особо крупных размерах. То есть к криминальному миру не имел никакого отношения и с «семьей» Кешки-Рыси не «кентовался», тем не менее за столом имел своё постоянное место. Позднее я понял почему: он был «старожилом» камеры.

В один из вялотекущих дней Кешка-Рысь объявил после возвращения с прогулки:

– Жулики! Сегодня перед ужином проведём «Олимпийские игры»! Для определения чемпиона нашей камеры! Победитель в каждом виде состязаний будет награждён тремя пай-

ками сахара, а абсолютный чемпион получит десять пайков сахара, и для этого каждый должен выделить по одному куску!

Все довольно загалдели, заохали, некоторые даже зааплодировали и дружно принялись сдавать шнырю свою долю. Нужно заметить, что и я принял это сообщение не без энтузиазма – хотелось размяться. Но в этот момент я услышал тихий шёпот Юрия, моего соседа по шконке.

– Не вздумай подписаться в эту «олимпиаду»! – чуть слышно проговорил он.

– Почему? – удивился я.

– Только это между нами, – предупредил Юрий.

– Разумеется, – заверил я.

– Кешка под тебя копает, и я нисколько не удивлюсь, что эти «игры» он затеял только для того, чтобы тебя на чём-нибудь подловить!

– Что ж, спасибо, буду иметь в виду, – ответил я, с трудом сохраняя спокойствие.

К этому времени я уже был наслышан о всевозможных тюремных играх и не слишком заволновался после предупреждения своего соседа, однако сразу же обратил внимание на насмешливые взгляды «шерстяных» из «семьи» Кешки.

«Что ж, хорошо смеется тот, кто смеётся последним!» – не без злости подумал я.

Незадолго до ужина Кешка объявил:

– Первый вид нашей олимпиады – бег в мешках! Участвуют все новички! Правила простые: все участники выстраиваются в линию у стола и бегут в мешках до двери, последний выбывает, а победители снова встают к столу и снова бегут, пока не останется финальная двойка!

К счастью, насчёт этой игры меня ещё в «отстойнике» просветил Константин, и потому я знал, чем должно закончиться подобное состязание: всё подстроит так, чтобы в финале обязательно оказался новичок, то есть в данном случае я, с кем-либо из приближённых к Кешке-Рыси парней, причём тот наверняка будет достаточно хлипкого телосложения. А потом следует некоторое изменение в правилах: объявят, что финальная двойка должна бежать с мешком на голове.

Далее всё пройдёт по отработанной схеме: чтобы у новичка не покатила измена, то есть не появились какие-нибудь сомнения, мешок надевали сначала доверенному «финалисту». Потом на голову новичку, но в тот же момент первый моментально должен сбросить с себя свою матрасовку, а новичка перевернут с ног на голову и вольют в его мешковину заранее приготовленный тазик с водой.

Представляете ситуацию? Довольно узкая матрасовка, да ещё и с водой – тут и захлебнуться немудрено.

Новичков в камере, считая меня, было четверо, и когда трое новичков и четыре сидельца Кешки выстроились у стола, Кешка повернулся ко мне:

– Ну а ты что ж, Режиссёр, не выходишь? Мандраж заел и яйца шемит, что ли?

– Да нет, не мандраж, просто не люблю... бег в мешках: слишком «умное» для меня состязание, – как можно увереннее ответил я с некоторой иронией. Отлично понимая, что он не отстанет, пока не уговорит меня участвовать, я, тщательно обдумывая каждое слово, спокойно спросил: – Или что, ваша «олимпиада», как у ментов, добровольная, но принудительная? – То есть вроде бы и ничего обидного не сказал, но и уговаривать меня после таких слов ему явно не захотелось, однако улыбка с его лица моментально стерлась.

– Хозяин – барин! – нервно прищурился Кешка-Рысь и повернулся к «судье». – Начинай соревнования! – с явным недовольством бросил он.

Всё шло вроде бы по правилам, и вскоре в финал действительно вышли один из новичков и тщедушный паренёк лет двадцати – суетливая, сующая всюду свой длинный нос «шестёрка» Кешки-Рыси.

Тут-то я и заметил, как шнырь наполняет тазик водой, и хотел уже вступиться за новичка, но Юрий, словно почувствовав мой порыв, осторожно сжал моё плечо рукой.

– Не ввязывайся, Режиссёр! – чуть слышно прошептал он. – Кешка только и ждёт, когда ты во что-нибудь вмешаешься.

Немного поразмыслив, я решил, что Юрий прав и мне не стоит рисковать из-за незнакомого парня. Кроме того, оставалась надежда, что всё кончится для него благополучно, а он получит своеобразный урок, после которого вряд ли захочет пускаться в какие-либо тюремные игры.

В финале его действительно перевернули вверх тормашками, влили в матрасовку полный тазик воды и отпустили. Он долго пытался выбраться из мокрого плена и едва не захлебнулся, тем не менее никто даже не попытался ему помочь, а когда наконец несчастный сумел освободиться, то долго ещё откашливался. Все вокруг веселились и хохотали, что ещё больше меня разозлило. Моё настроение моментально зафиксировал Кешка-Рысь.

Нагло уставившись на меня, он объявил «спортсменам» на всю камеру, явно делая мне вызов:

– Следующий вид нашей олимпиады – «перетягивание на палках». – Кешка-Рысь с усмешкой смотрел мне в глаза. – Ну что, Режиссёр, в этом соревновании не ум, а сила нужна... или вновь отговорку найдёшь?

– Ну что ж, давай попробуем... с тобой! – Я по-своему принял его вызов.

– Нет уж, у нас с тобой разные весовые категории. За меня с тобой потягается мой дружок бан Сеня! – кивнул он в сторону кряжистого парня.

Это был угрюмый парень, голоса которого почти никто не слышал: тот всегда и всё делал молча, безропотно выполняя любые приказания верховодилы. За что Кешка-Рысь регулярно подкармливал этого здоровячка: тюремной баланды явно не хватало для его добрых семи пудов живого веса.

– Может, слабо? – вновь осклабился Кешка-Рысь.

– Почему слабо? Попробую...

Об этом «состязании» Костя мне тоже успел рассказать. Правила были просты и примитивны: соперники усаживались друг против друга, сгибали ноги в коленях и упирались стопами, после чего брались за ручку от швабры и по сигналу «судьи» начинали тянуть на себя, пытаясь оторвать противника от пола. Как только кому-то это удавалось, он сразу становился победителем. Но здесь-то новичка и ожидал подвох: стоило ему оторвать задницу от пола, как ему тут же подставляли тазик с водой, а его соперник моментально отпускал палку, и новичок плюхался задом в воду.

Это было не так опасно для здоровья, как «бег в мешках», но мне вовсе не хотелось оказаться в столь глупом положении, да ещё и мокрым, ради веселья тюремной публики, и потому я собрался сыграть по собственным правилам.

Едва я ухватился за палку, как сразу понял, что мне вряд ли светит справиться с этим деревенским битюгом. Тем не менее несколько секунд я изо всех сил сопротивлялся бугаю, вкладывая всю свою злость в принципиальный поединок. Однако, согласившись на него, я совсем позабыл о моем треснутом ребре, которое вскоре дало о себе знать, и от острой боли я машинально разжал пальцы. Не ожидавший такого вероломства с моей стороны танкообразный соперник резко откинулся назад и довольно ощутимо хрястнулся затылком о кафельный пол.

– Твою мать, – деловито матюгнулся я, – руки вспотели! Давай повторим! – как ни в чём не бывало, предложил я своему мощному противнику.

Не тут-то было: тот, потирая моментально вскочившую на затылке шишку, наотрез отказался, молча помотав своей разбитой тыквой.

Тем временем краем глаза я заметил, как за моей спиной быстро убрали тазик с водой.

– Ладно, будем считать, что ничья, – нашёлся Кешка-Рысь, – и весь сахар поделим между тремя: победителем первого состязания и между вами!

Можно было только догадываться, скольких сил стоило Кешке его мнимое спокойствие, и я это оценил по достоинству.

– Свою долю я отдаю на «общак», – нейтральным тоном сообщил я.

– Имеешь право! – Кешка как-то странно, с любопытством несколько секунд смотрел на меня, словно что-то определяя для себя, и наверняка решил, что вовсе не собирается останавливаться на этой «ничьей», после чего повернулся к своей «команде»: – Что, забачаем в «терц», братишки?

Стоило Кешке-Рыси оставить меня в покое, как все, словно по команде, мигом потеряли ко мне интерес и разбрелись по своим местам. За столом продолжились настольные игры, а я согласился сыграть партийку в шахматы с одним молодым парнем. Он играл довольно слабо и быстро получил мат. В этот момент я заметил, как возле другого парня за столом собрались несколько человек, а он каждому что-то рассказывает, раскладывая костяшки домино.

Подойдя поближе, я понял, что этот парень «гадает на срок», раскладывая каждому желающему своеобразный пасьянс из домино: какая доминушка остается, такой срок и получит тот, кому он гадает.

Когда «гадатель» заметил меня, он предложил:

– Хочешь, я и тебе погадаю, Режиссёр?

Подумал, что это не игра и здесь вряд ли можно меня зацепить на чём-либо, но на всякий случай спросил:

– Я что-то буду должен за это гадание?

– Нет, ничего. – Парень удивлённо пожал плечами.

Жест и его глаза казались настолько искренними, что я согласно кивнул:

– Ладно, валяй, объявляй свой приговор!

– Не мой, – тут же возразил он и многозначительно поднял кверху указательный палец. – Судьбы!

Он быстро сложил костяшки домино «рубашкой» вверх в виде могилы с крестом и начал открывать то одну, то другую, отбрасывая комбинационные совпадения в сторону. Вскоре осталась одна доминушка.

– Всем показать или только тебе одному?

– Мне! – азартно ответил я, и он предложил мне взглянуть на доминушку, которая осталась.

Ничего не подозревая, я наклонился, чтобы её разглядеть, и в этот момент со второго яруса на меня вылили целый тазик воды. Все вокруг весело рассмеялись, а я вскочил на ноги, разъярённый и готовый ринуться в драку, но мгновенно рассудил, что самое разумное с моей стороны в данной ситуации будет всё перевести в шутку.

– Вот придурок, – беззлобно бросил я парню, вылившему на меня воду, – весь срок мой смысл! – И рассмеялся со всеми вместе.

Потом скинул с себя рубашку и начал отжимать воду, чтобы она быстрее просушилась. Как-то неловко дёрнувшись, я скривился от боли в боку и приложил руку к повреждённому ребру.

– Что, ребро сломано? – неожиданно услышал я.

Повернувшись, увидел перед собой Сеньку, своего недавнего соперника по «перетягиванию на палках».

– Нет, трещина! – машинально ответил, удивившись тому, что впервые слышу его голос.

– Недели две-три назад?

– Да... Откуда знаешь? – нахмурился я.

– Так... – поморщился Сенька. – С год назад сам мучился... Что же ты не сказал, когда тянули?

– А-а! – отмахнулся я.

– Держи пять! – дружелюбно произнёс он. – Сашка меня зовут, Муромец!

– Кликуха тебе под стать! – улыбнулся я, отвечая на рукопожатие его ладони-лопаты.

– Это не кликуха, это фамилия у меня такая! – Александр смутился.

– А почему он тебя Сенькой называл?

– А какая разница... – пожал он плечами.

Как-то так получилось, что Александр стал рассказывать о себе. Оказывается, его обвиняли по статье «убийство по неосторожности», но следователь пытался доказать расстрельную статью «умышленное убийство».

– Эта сволочь вообще ничего не хочет слушать! – ругнулся вдруг Муромец. – Прикинь, я в полной отключке в кузове валялся, когда он под задние колеса попал.

– Перепил, что ли?

– Я? – нахмурил он густые брови. – Ну! Приятель дембельнулся, мы и нахрюкались...

– А кто-нибудь ещё в кузове был?

– А как же!

– И что они?

– Таки они в стельку...

– А покойный?

– Тоже в стельку... Единственный, кто мог двигаться, – Пашка Кузнец.

– А он что говорит?

– Так он за рулём был: начал сдавать назад, чтобы развернуться, и услышал крик, тормознул, да поздно... – Александр печально вздохнул.

– Ничего не понимаю, – признался я.

В его рассказе не было никакой логики. Если всё произошло, как говорит он, то больше всего был виновен тот, кто сидел за рулём...

О чём я и сказал ему:

– Пашка – сын Председателя Исполкома, – вздохнул Александр, – а на мне три года условных висят по «сто восьмой»: бугра помял немного...

– Что, снюхались? – раздался недовольный голос подошедшего Кешки-Рыси.

– Ну?! – неопределённо буркнул Александр.

– Смотри! – угрожающе произнёс тот.

– Смотрю! – чуть взвинчиваясь, набычился Муромец.

Трудно сказать, чем бы закончился нелепо начавшийся конфликт, если бы не раздался характерный глухой стук тележки о дверь камеры.

– Баланда, граждане уголовнички! – громко выкрикнул шнырь по прозвищу Крылатый.

– После ужина договорим! – многозначительно бросил Кешка-Рысь и направился к столу.

В этот момент дверца «кормушки» откинулась, и баландёр, сунув первую шлёмку с кашей, негромко, но вполне отчетливо выкрикнул в камеру:

– Доценко есть?

– Ну, я Доценко! Кто спрашивает? – подойдя к кормушке, удивлённо спросил я.

– Привет тебе от Лёвы-Жида, а вот ксива от него! – Баландёр быстро протянул записку. – Если ответ хочешь передать ему, то приготовь: отдашь, когда посуду забирать буду!..

– Спасибо, земляк! – взяв весло и шлёмку с кашей, наполненную едва ли не с верхом, я вернулся на свое место и первым делом развернул записку от Лёвы-Жида:

«Привет, браток! Обещал тебя разыскать, вот и выполнил обещание! Как живёшь-можешь? Не мешают ли кто дышать? Если да, скажи – попрошу кого-нибудь: сделают ему лишнюю дырочку для проветривания мозгов!»

У меня всё по-прежнему: ещё не „окрестили“. Правда, ларька, суки, лишили, да в карцере отсидел несколько суток за одного говнюка: старших не уважал, падлюка!.. Ну да бог с ним! Будет возможность, снова дам о себе знать! Если захочешь, черкани маляву: тропинка надёжная...

Будь здоров и не кашляй!

Лёва-Жид...»

К тому дню мои сто пятьдесят «рваных» уже поступили на личняк, то есть мой лицевой счёт, я уже успел отовариться в бутырском «магазине» и имел не только некоторые деликатесы в виде полукопчёной колбасы и печенья, но и несколько пачек сигарет «Ява».

Отоваривание в магазине Бутырки происходит следующим макаром: за пару дней до появления буфетчицы по камерам разносят бланки-заказы, в которых перечислены наименования товаров, имеющихся в наличии, и их цены.

Во время описываемых событий каждый имел право, насколько мне не изменяет память, отовариваться только на десять рублей в месяц. Отмечаешь всё, что хочешь приобрести, в пределах десяти рублей, подписываешь и отдаёшь бланк заказа вертухаю. Когда приходит магазин, тебе вручают твой заказ, а червонец списывают с твоего личняка.

Я быстро покончил с кашей, набросал несколько строк на куске бумаги, достал из своего узелка пачку сигарет, пачку печенья, кусок колбасы и луковицу, завернул всё это в газету, из другой пачки вытащил пару сигарет, дождался, когда начнут собирать посуду, и подошёл к кормушке. Но баландёр подал знак подождать: видно, рядом стоял вертухай. Я посторонился, давая возможность Крылатому сдать все шлёмки и вёсла.

Наконец баландёр тихо произнёс:

– Доценко, давай быстрее!..

– Это тебе, – протянул ему пару сигарет, – а это Лёве-Жиду... – сунул ему пакет с гостинцами.

Потом я хотел отойти в сторону, но баландёр остановил.

– Подожди! – сказал он, протянул мне небольшой кусок вареного мяса и захлопнул кормушку.

Улыбнувшись «греву», я повернулся и едва не наткнулся на Кешку-Рыся.

– Что же ты не сказал, что кентуешься с Лёвой-Жидом? – с некоторой обидой проговорил он. – Теперь можешь и на меня положиться! – Он протянул руку.

Немного подумав, я сообразил, что не стоит обострять с ним отношения, и ответил на рукопожатие, тем не менее решив, что «зубки» показать стоит.

– С этого дня мы с Юркой переходим на нижнюю шконку к окну, а мне сделай место за столом!

– Базара нет! – не без некоторого облегчения произнёс Кешка-Рысь.

Он подал знак одному из своих «шестёрок», который моментально скинул с нижней шконки у окна постели двух своих приятелей, а на их место перенёс наши с Юрием матрацы...

Здесь я обязан заметить, что по сравнению с тем, что сейчас творится в российских тюрьмах, особенно в московских тюрьмах, которые перенаселены до настоящего безобразия, тогдашнее содержание и обращение с сидельцами можно считать даже удовлетворительным. Мне иногда даже хотелось шутить, причём в стихотворной форме.

Как? А вот читайте – сначала о тюрьме...

Ода тюрьме

Тюрьма для меня – что изгнание из ада,
Ну, правда, конечно ж не в рай!
Зато я не буду на улице падать,

Не попаду под звонкий трамвай!

Не надо думать о хлебе,
Билеты в кино доставать,
Никто лотерею не всучит,
И на ночь готова «кровать».

Обедом накормят и в бане помогут:
Такая здесь жизнь – без забот.
Тюремный порядок не плох сам собою,
На пользу здоровью идёт.

Как-то во сне я дом отдыха видел,
Всем он был красив и хорош.
Теперь понимаю, что, в камере сидя,
Прекрасней в сто раз отдохнёшь!..

А теперь...

Ода махорке

Оторви клочок газеты,
Пополам её сложи,
Чуть махорки из кисета
На серёдку положи.

А потом движеньем ловким
Закрути и склей слюной:
Лучше запаха махорки
За тюремной нет стеной!

Вспоминаются деревня
И прогулки по грибы,
За рекой поля, деревья
И завалинка избы...

Опротивел древний город
И Кремлёвская стена.
Лучше северные горы,
Ветра вой и злой буран!

Закурю-ка я махорку,
Посмакую едкий дым.
Без махорки нету толку,
Дым – лекарство от беды!

С ним и горе улетело,
И тюрьма не так страшна.
Обкурившись до предела,

Хорошо лежать без сна.

От куренья разговоры
Откровенны и чисты:
За сигаркой даже «Воры»
Раскрывают все мечты.

Как их много здесь мечтало,
За решётками тюрьмы.
И о разном здесь немало
Лишнего слышали мы.

Тут на лучшее надежда
И поддержка в трудный час...
Почему-то люди прежде
Плохо понимали нас.

Запах вольной сигареты
Я давно уже забыл,
А дымок махорки этой
Придаёт немало сил!..

Тем не менее, как ни сносно было находиться в тюрьме, я с первых же дней начал строчить жалобы в Прокуратуру, однако ответов не получал. Время от времени меня навещал дознаватель, и меня выдёргивали из камеры «слегка». С каждым моим новым посланием жалобы в Прокуратуру тон дознавателя менялся и становился всё грубее и грубее. И вскоре он открыто заявил мне, что уверен, что именно я являюсь зачинщиком драки, то есть именно я ударил «бедного парня», сбил его с ног и этим нанёс ощутимый материальный ущерб кафе: разбил посуду, поломал несколько предметов мебели.

Я всячески возражал против такого произвола дознавателя, переворачивавшего происшедшую драку с ног на голову, и продолжал строчить свои жалобы на этот произвол, а также на то, что до сих пор мне не предоставлен адвокат. И вот на одну из самых ядовитых моих жалоб дознаватель появился передо мною, ехидно улыбаясь во весь свой и без того кривой рот.

– Пришёл наконец ответ на ваши жалобы! – Было заметно, с каким трудом он сдерживается, чтобы не рассмеяться. – Вот, распишитесь! – Дознаватель пододвинул ко мне листок.

– Что это? – Я почувствовал, что прокурорский ответ мне вряд ли понравится.

– Прокурор изменил предыдущее обвинение. Если ранее вы обвинялись по двести шестой, части первой, и вам грозил срок до года или штраф, то сейчас вы обвиняетесь по части второй той же статьи, то есть «за злостное хулиганство в общественном месте», а это уже совсем другое наказание – от двух до пяти лет лишения свободы...

– А почему тут ничего не сказано об адвокате?

– Есть два пути заполучить адвоката: это может быть либо общественный защитник, если у вас нет возможности оплачивать адвоката со стороны, либо нанимайте адвоката-частника! Что, вполне естественно, требует немалых денег! – Он снова ехидно уставился на меня. – Не стоило вам, гражданин Доценко, заваливать жалобами Прокурора: кому понравится, когда жалуются на его же сотрудников?

– Вы можете передать одной моей знакомой, чтобы она наняла платного адвоката? – не вслушиваясь в его слова, спросил я.

– Жалко мне тебя, парень, а потому помогу последний раз: с завтрашнего дня у тебя будет новый дознаватель. Вот, запиши здесь, как я могу связаться с твоей знакомой, лучше, если у неё есть телефон...

Я был уверен, что одна моя знакомая, очень добропорядочная девушка, которая к тому же была кое-чем мне обязана, не оставит меня в беде.

К счастью, дознаватель выполнил своё обещание и созвонился с ней. Она наняла для меня адвоката – очень милую женщину лет пятидесяти. В память навсегда врезалась ее фамилия: Лидия Васильевна Седова-Шмелёва, вероятнее всего, из-за оригинальности. Тем не менее допустили её ко мне только в день окончания следствия.

Ознакомившись с моим делом и внимательно выслушав рассказ от «первого лица», Лидия Васильевна заверила, что на Суде я наверняка поменяюсь местами со своими якобы от меня «пострадавшими». Она с большим состраданием отнеслась ко мне и очень сожалела, что не встретила со мною до ареста, заверяя, что меня ни в коем случае не арестовали бы, несмотря на то что мои обидчики, воспользовавшись тем, что я несколько дней провёл в больнице, обвинили во всём именно меня.

Лидия Васильевна просветила меня и в отношении Олега Чулкова, который отвечал дознавателю, что «ничего не видел и ничего не слышал». Оказалось, что свидетелей специально не вызывали во время следствия, но Лидии Васильевне удалось разыскать одну из девушек, которая сидела за нашим столиком и телефон которой я случайно запомнил.

Именно от Лидии Васильевны я узнал поразительные подробности следствия по моему делу. Заметив на каком-то этапе, что дело разваливается и за мой арест придётся кому-то отвечать, дознаватель попросту разогнал всех свидетелей и заткнул Олегу рот тем, что может привлечь его как моего соучастника, а кроме того, без приглашения понятых произвёл обыск в моей комнате. Кстати, во время обыска у меня исчезло много ценных вещей, но более всего мне было жалко прижизненное издание пятитомника Пушкина и небольшую коллекцию старинных икон, среди которых был и единственный сохранившийся памятный предмет – портрет моего прадеда протоиерея Зосимы Сергеева, выполненный на позолоченном металлическом окладе...

Во время этого, весьма тщательного шмона были найдены и шестьдесят пять американских долларов! Дознаватель очень обрадовался этой находке и довольно потирал руки: есть возможность обвинить меня ещё и в валютных операциях, то есть крутануть по восьмьдесят восьмой статье. К его огорчению, это не удалось: я два года проработал за границей и вполне мог иметь законную валюту.

Чего только не пытался пришить мне «товарищ» дознаватель, цепляясь за всё, что могло «потянуть» на какую-нибудь статью. Наткнувшись на шесть комплектов новенькой хоккейной детской формы, попытался доказать, что я их украл!!! Но и здесь он потерпел фиаско: я легко доказал, что форму для детской команды спортклуба «Факел», где я был педагогом-воспитателем, купили наши шефы. Были и другие, такие же смехотворные попытки обвинить меня в чём-либо, но не вышло, и поэтому дознаватель «отыскал» свидетеля, который якобы видел, как именно я ударил парня бутылкой, а не он меня...

Не буду более утомлять вас, уважаемые Читатели, всеми глупостями, которые пытался «состряпать» дознаватель, двинусь далее по «реке своих воспоминаний»...

Одиннадцать месяцев, проведённых в камере Бутырского изолятора, мало чем отличались друг от друга, тем более, после того как Лёва-Жид предусмотрительно и весьма своевременно переслал мне свой «привет».

Однако об одном событии мне хотелось бы вам поведать.

Произошло оно через полгода после моего появления в камере. К этому времени в ней поменялось более трёх четвертей контингента, ушёл на этап и мой приятель Юрий: он был осуждён к шести годам лишения свободы в колонии усиленного режима. Незадолго до него

выдернули на этап и Сашу Муромца. Судя по тому, что сообщили по «тюремным проводам», его повезли для опознания: вроде бы нашёлся новый свидетель происшествия.

Почему-то мне казалось, что он говорил правду, уверяя, что ему приходится отдуваться за кого-то другого...

Забегая вперед, замечу, что мои предположения оказались верными и Александр был освобождён вчистую, правда, отсидев свои три «условных» года. Статью за убийство с него сняли: один приятель, попавшись на более тяжком преступлении, решил очистить свою совесть и чистосердечно признался, что именно он и сбросил под колеса того несчастного, отомстив за то, что тот увёл его подругу. Доводы, приведённые им, были столь убедительны, что Александра освободили «в связи со вновь открывшимися обстоятельствами». К сожалению, освобождение несколько запоздало: Александр заразился туберкулезом и прожил на свободе лишь несколько месяцев...

Мир его праху! Пусть земля ему будет пухом! Честный был человек...

Где-то в январе – феврале, когда я «отпарился» в Бутырской тюрьме около девяти месяцев, наконец-то был назначен мой Суд, который длился целых два дня. Перед началом второго дня судебного заседания Лидия Васильевна Седова-Шмелёва сообщила мне, что только что переговорила с Председательствующей Судьей, которая заверила, что сегодня готова принять решение освободить меня из-под стражи прямо в зале Суда и предъявить обвинение моим «потерпевшим». После этого Лидия Васильевна вернулась в зал заседаний, заметив, что минут через десять туда приведут и меня.

Окрылённый радостной вестью, я с огромным нетерпением ожидал, когда меня поведут в зал заседаний. Однако время шло, а распоряжений никаких не поступало. Даже мои конвоиры с удивлением перешёптывались: почему меня не вызывают?

Прошло ещё более часа, когда меня, вконец измученного ожиданием, привели в зал заседаний.

Встаёт судья:

– Именем Российской Федерации...

О боже! Что я слышу? Казалось, на меня обрушился потолок...

– *Доценко Виктора Николаевича, – продолжила судья, – обвиняемого по статье двести шестой, части второй, признать ВИНОВНЫМ. Учитывая характеристики, а также ходатайства... назначить ДВА ГОДА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ с отбыванием наказания в колонии общего режима!..*

Казалось, я ослышался! Казалось, что это мне просто снится и этого не может быть потому, что не может быть никогда! До чего же может дойти «правосудие», если выносит приговор пострадавшему?..

Мысли перед судом

Представляю тот зал заседаний,
Где вершится народный наш Суд.
Там не будузакован цепями,
Но и так никуда не сбегу...

Все присутствуют: стало быть, кворум.
Растопырю пошире глаза.
Начинается Суд: Прокурору
Слово веское надо сказать.

Но о чём? Вот загадка Фемиде!

Дело сляпано – будет «вина»!
Та – слепая, конечно, не видит:
Лоб хорош, да Закон как стена!

Доказать, что вины моей нету,
Адвокату совсем нелегко,
А судейское слово, что вето,
Заседателям будет дано.

Я не верю в слепую старуху,
У которой весы торгаша,
Да к тому же тугую наухо!
Меня воли, конечно, лишат...

Вполне естественно, тогда я не мог понять, что произошло. Почему столь круто – на сто восемьдесят градусов за какие-то час-полтора – поменялось мнение Председательствующего Судьи, заверившей до вынесения приговора моего адвоката, что она меня выпустит из зала суда? Наверняка что-то произошло, но что?

К большому огорчению, после оглашения приговора мне не удалось повидаться с адвокатом, и кассационную жалобу пришлось писать без её участия. И только когда я возвратился в Москву, отбыв наказание, всё и прояснилось.

Во-первых, оказывается, Лидии Васильевне было сказано, что я отказался от дальнейшего участия адвоката в моём деле. Учитывая вынесенный приговор, это несколько её не удивило. Во-вторых, столь внезапная перемена отношения ко мне Председательствующей Судьи объяснялась тем, что за полчаса до вынесения приговора в совещательную комнату вошли двое в штатском (а это категорически запрещено Законом) и долго оттуда не выходили – именно поэтому более чем на час задержалось продолжение судебного заседания.

Лидия Васильевна, как порядочный человек, позднее добилась признания у Судьи, и та поведала, что её навестили сотрудники Комитета Госбезопасности, которые нашли соответствующие «аргументы» и «убедили» её признать меня виновным, а послушаться их она конечно же никак не могла.

Тем не менее мне, оказывается, нужно было ещё и благодарить её: сотрудники КГБ заставляли вынести мне приговор по максимуму, то есть осудить меня на пять лет, но на сей раз Судья проявила твёрдость и осудила меня на минимальный срок лишения свободы по данной статье...

Почему-то с горечью вспомнилось, что во время гадания «на срок» на костяшках домино мне выпал дупель один-один, то есть два года лишения свободы. Вот и не верь после этого в мистические совпадения...

Написав эти строки, заглянул в пожелтевшие листки тетради, в которую в то время я записывал свои мысли и которую всеми правдами и неправдами мне удалось протащить через все «прогоны» и сохранить, несмотря ни на что! А это, можете мне поверить на слово, было дьявольски или, как говорил наш лысый Вождь, «Архислож-но, батенька!». И вот перед вами мои мысли из 1974 года...

Мне кажется, что и сейчас, по прошествии сорока пяти лет, они не утратили своей актуальности.

А как думаете вы?..

Мои мысли

...В истории всё бывало: бунты, восстания, революции... А что, в сущности, изменилось в нашей стране – в нашей великой Стране Советов? Господа остались господами, богатые – богатыми, а рабы – рабами... Разве что называться стали по-иному...

Да, так есть и так будет! Это связано с тем, что среди людей всегда существует (и будет существовать) неравенство: материальное, интеллектуальное, нравственное, социальное, физическое и так далее и тому подобное. И пока это неравенство сохраняется, слабые будут подминаться сильными! Глупые – управляться умными! Богатые – диктовать свою волю бедным. Небольшое количество таких людей всегда будет управлять толпами, людскими массами, точно также, как баран ведёт за собой всё стадо послушных овец, даже на бойне, когда все погибнут под ножом, сам же баран останется в живых...

Именно тогда и родилось у меня стихотворение, которое наиболее точно раскрывает моё состояние в то время:

Мысли о себе

С эшафота видно всё на свете,
Через годы, дали и туман...
У меня сегодня на примете
Бед моих глупейший караван.

Их причины прячутся куда-то,
А куда – я вижу только сам...
Вереницею мелькают годы, даты,
Сказочных воспоминаний хлам.

Жил, работал – тунеядцем не был,
Жопу сильным не привык лизать,
Коль за это покарало небо —
Нецензурно хочется сказать!

Видно, жил совсем не так, как надо,
Не успел от жизни много взять,
Поздно понял – жизнь не столь нарядна
И придётся посмотреть назад.

Ну а если оступился где-то
И ломают шпагу надо мной —
Значит, не бродить по белу свету
В лютый холод или летний зной!..

Как бы там ни было, но я отправил кассационную жалобу и принялся терпеливо ожидать ответа, уверенный, что успею получить его в Бутырской тюрьме. Но... человек предполагает, а

Бог располагает! Через несколько дней рано утром раздался зубодробильный скрежет дверных петель камеры и мерзопакостный голос громко проблеял:

– Доценко! С вещами!..

– Как с вещами? Куда с вещами? – спросонья переспросил я, но тем не менее вскочил со шконки и принялся собирать свои нехитрые пожитки.

– Скорее всего, на пересылку, на Красную Пресню! – задумчиво проговорил мой сосед Сиплый, пожилой уголовник со стажем, занявший место Юрия после его ухода из камеры.

– Но мне же ответ на кассатку ещё не пришёл, – несколько растерянно напомнил я.

– Там и получишь... – пожал плечами Сиплый и стал помогать мне собираться.

Когда вещи были собраны, ко мне кто-то обратился:

– Слушай, Режиссёр...

Обернувшись, я увидел перед собой Фёдора, проживавшего в каком-то небольшом подмосковном городке, а попавшегося на краже на вокзале в Москве. Именно поэтому он и находился в Бутырской тюрьме – подмосковные жители обычно сидели в «Матросской тишине». О своём «преступлении» Фёдор рассказывал так: шёл как-то по Казанскому вокзалу, смотрит, стоит прямо посередине зала спортивная сумка, огляделся, никто за ней не приглядывает. Взял в руки, снова осмотрелся: никто вроде бы не возражает.

У него и в мыслях не было присвоить эту сумку. Просто пошёл в сторону дежурного администратора, чтобы отдать её, а тут крик какой-то бабы.

– Обокрали! Обокрали! Сумку украли... Держи вора! – во весь голос вопила она.

На несчастье Фёдора, в этот момент милиционер проходил мимо, и она указала на него. Скрутили, не слушая никаких его объяснений. А через пару дней пребывания в КПЗ отвезли в Бутырку.

Фёдор был один из немногих, кого почти никогда не было слышно, этакий молчун и похуист: никогда ничем не интересовавшийся и ни во что не вмешивающийся.

– Я тут «маляву» набросал кое-кому... – проговорил он, а в его глазах было столько смущения, что я даже решил подбодрить его.

– Написал, кому и куда закинуть? – спросил его.

– Написал...

– В таком случае не волнуйся: найду способ доставить по назначению. – Я подмигнул ему и дружески стукнул по плечу.

По его смущению я сразу догадался, что речь идёт о представительнице женского пола. И конечно же оказался прав, но об этом – в следующей главе...

Глава 6

Я – на пересылке

*Если б я повстречался с тобой
Не в тюрьме, а на пляже, у моря,
Нас бы вместе водой голубой
Заливало б и лежа и стоя...*

*Я б тебя виноградом кормил,
подавая ягоды в кубке,
И нарзаном с ладони поил,
Ощущая прохладные губки...*

От Новослободской улицы, где стоит Бутырская тюрьма, до Красной Пресни, где находится знаменитая пересыльная тюрьма (знаменитая потому, что она единственная), полчаса ходу, а я добирался несколько часов. Дело в том, что меня захватили, как говорится, «по пути». Первым делом развезли тех, у кого в тот день был назначен Суд. А таких набралось человек десять. Затем отвезли двоих, сидящих в одиночных боксах автозака, или, как его называют в народе, «чёрном воронке» или «чёрной Маруси», в «Матросскую тишину», на тюремную больничку. И только потом дошла очередь и до меня.

Я заметил, что в «чёрном воронке», если в нём находятся те, кого везут на Суд, тем более на следственный эксперимент, редко стремятся к разговорам или душевным откровениям. Первые, скорее всего, оттого, что обдумывают систему защиты или готовятся к встрече с близкими людьми, которых долгое время не видели; вторые размышляют над будущим поведением во время следственного эксперимента. Есть и такие, кто готовит свою нервную систему к любой неожиданности или случайности, чтобы воспользоваться этим и уйти в побег...

В отличие от остальных меня везли на Краснопресненскую пересылку, и мои мысли были вполне свободны, они не осложнялись какими-либо душевными терзаниями конкретного характера, а потому я ударился в философские размышления. Так родилось одно из моих любимых стихотворений, которое мне хочется предложить вашему вниманию:

Рождение и смерть

Для нас расставляют по жизни
Такие рогатки порой,
Что волком становится ближний,
А сам – по-тигриному злой!

Тогда, потеряв силу воли,
Прервав светлой жизни полёт
И зубы сцепивши до боли,
Кидаешься глупо вперёд!

Кидаешься в жизненный омут,
Попутно устои круша.
За это в дурдоме закроют,
Сказав, что болеет душа.

А там годы жизни умчатся.
Забудешь, что есть белый свет.
Нет в жизни ни капельки счастья,
Есть только РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ!..

Не запомнил номера камеры, в которую меня закинули, но она находилась на третьем этаже. В отличие от Бутырской тюрьмы в пересыльной тюрьме было намного спокойнее: вполне вероятно, сказывалось то, что туда приходили не новички с улицы, впервые попавшие в места лишения свободы, над которыми людям бывалым можно было вдоволь постебаться. На «пересылке» оказывались люди относительно опытные, отсидевшие по меньшей мере по несколько месяцев во время следствия, то есть те, кого просто так «на горбатой кобыле не объедешь».

Кроме того, в пересыльной тюрьме никто долго не задерживался, максимум две-три, реже четыре недели, до получения ответа на кассационную жалобу, и, как говорится, «гуляй, Вася», то есть отваливай на этап.

Вот и действует на пересылке, как я его называю, дорожный синдром, то есть синдром случайного попутчика:

«Мы с тобой случайно встретились, пообщаемся, побазарим о том-сём, разойдёмся, и наши пути более никогда не пересекутся...»

Сразу замечу: это неправильное и весьма опасное заблуждение, которое довольно сильно расслабляет человека. Он перестает следить за тем, что говорит, не держит в голове то, что говорил ранее, то есть забывает придерживаться той версии, которую сам и построил в «отстойнике» и во время следствия, иногда даже не задумывается над тем, что делает.

Кроме того, появляется своеобразное чувство пофигизма! Если раньше, до Суда, даже у самого отъявленного и закоренелого преступника теплился маленький лучик надежды, что всё для него закончится хорошо и он получит минимальный срок наказания, а то и вообще выйдет на свободу, как говорится, вчистую...

То после Суда, спустившись на грешную землю, в инерционном ожидании ответа на кассационную жалобу люди уже ни на что не надеются и во многом машут на себя рукой.

К этому моменту большинство настолько теряет веру в то, что правосудие всерьёз задумается о них, что даже отказывается писать кассационные жалобы, и за них это делает кто-нибудь из родных или близких. Человеческий организм гораздо сильнее, чем можно подумать. Он способен такое переносить, что остаётся только удивляться. К любым лишениям, к любым тяготам жизни он постепенно привыкает и начинает перестраиваться, приспосабливаться к новым условиям, даже к таким страшным, как жизнь в неволе. Тем не менее сначала, оказавшись в пересыльной тюрьме, человек ещё не успел смириться с утратой надежды выйти на свободу, но приходится настраиваться на существование «за колючей проволокой», на постоянные нудные проверки, лай собак, неприменное унижение человеческого достоинства. Происходит кратковременный сбой системы жизнеобеспечения, и человеку становится всё безразлично.

Я очень хорошо помню, какой кризис пережил я, когда меня выдернули из Бутырской камеры и отправили в Краснопресненскую тюрьму. Тогда показалось, что вместе с надеждой обрести свободу вокруг меня рухнул весь мир. Казалось, что я уже никогда не увижу ни своих близких, ни своих знакомых. Не смогу пойти туда, куда хочется, не смогу пить и есть то, что мне хочется, никогда не увижу зелёной травы, деревьев, цветов, да просто никогда не вдохну вольного воздуха.

Я был сломлен морально и ничего не видел и никого не слышал. Нет, видел, конечно, но совершенно не соображал. Вокруг меня находились такие же, как и я, люди, они о чём-то спрашивали, что-то говорили, а я смотрел на них бессмысленным взглядом и не понимал, чего они все от меня хотят. Наконец от меня отстали, подумав, что я глухонемой.

К счастью, этот психологический надлом продолжался лишь во время следования в Краснопресненскую тюрьму. Своеобразное переключение произошло в момент лязганья запоров захлопнувшихся за спиной ворот. Эти мерзопакостные звуки, словно магическое слово колдуна, вывели меня из летаргического сна, заставили очнуться.

Я огляделся вполне осмысленно, вспомнил наглые рожи тех, кто подставил меня, и тут я осознал, что если не возьму себя в руки и сломаюсь, то эти наглые рожи вообразят, что они добились своего. От этой мысли «моё говно» настолько закипело, что я взял себя в руки и стал думать, как мне жить дальше.

Мне кажется, что в такой ситуации каждому человеку нужно на кого-то разозлиться, чтобы встряхнуться и собраться. В противном случае «похуизм» по отношению к себе самому может привести к серьёзным проблемам.

Затянувшееся безразличие к своей судьбе очень часто приводит к печальным последствиям. Спускается такой человек на зону, приходит в себя и вспоминает о ранее состроенной им легенде, но неожиданно сталкивается там с тем, с кем «кентовался» на пересылке и кому по простоте душевной в момент дикого стресса наплёл то, что до этого тщательно скрывал.

Ах, вот ты какой, оказывается?! Предъявляются претензии, начинаются «крутые разборки». А ещё чаще всё печально заканчивается прямо на пересылке. И тут уж пощады не жди – срабатывает стадное чувство. Бьют, и бьют беспощадно, даже те, кто никогда в жизни не поднимал руку на человека.

Однако в пересыльной тюрьме зэк, ожидающий отправки на этап, как бы перерождается, возвращается к самому себе. Начинает запоем читать книги, писать стихи, рисовать или что-то мастерить. И это связано, мне думается, с тем, что закончилась наконец неизвестность, которая наиболее всего тяготит и опустошает душу. Какие таланты неожиданно открываются в человеке на пересылке! Какие поделки буквально из ничего там мастерятся! Сколько фантазии, какой полёт мысли!

Кому на воле придёт в голову, что при помощи обыкновенного полиэтиленового пакета и зубного порошка или пасты можно сотворить игральные кости, которые будут выглядеть не хуже фабричных?

А в каких фантазиях на воле возникнет желание использовать обыкновенный хлеб, чтобы вылепить из него фишки для шашек и шахматные фигурки? Да что там шахматные фигурки! Вы даже представить не можете, какие мини-скульптуры создаются в неволе – иногда даже профессиональный скульптор-миниатюрист может отдыхать: настоящие нэцкэ! Непосвящённому и в голову не придёт, что в качестве материала использовался самый обыкновенный хлеб.

А сколько фантазии и шуток?! К примеру, получает неискущённый человек в подарок фигурку монаха, сидящего на корточках и читающего Священное Писание. Человек поднимает со стола фигурку, а из-под сутаны монаха выскакивают голые ноги с вздыбившейся плотью. Вероятно, вы без труда сможете представить выражение лица неподготовленных дамочек, застывших в смущении от шока...

Или взять, к примеру, обыкновенные синтетические носки – особо ценятся яркие, многоцветные. Казалось бы, как можно оригинально их использовать? Оказывается, если их распустить, то из ниток и обыкновенной бумаги с клейстером можно сплести такие уникальные авторучки, что в осадок выпадают даже самые прожжённые вертухаи, отработавшие за решёткой не один десяток лет! Иногда, если не удаётся просто отобрать этот предмет «искусства», идут даже на то, чтобы его выкупить.

Я уверен, что, пока в России не переведутся самородки и «Кулибины с золотыми руками», что вряд ли произойдёт, нашу страну победить невозможно!

Чтобы закончить тему «Кулибиных» в неволе, приведу характерный пример, произошедший в одной из колоний, куда забрасывала судьба моего приятеля. Возглавлял ту зону некий полковник Петров, к которому не без уважения относились криминальные «Авторитеты»-

этот полковник слыл среди заключённых справедливым «Хозяином» и никогда не наказывал без вины.

И вот однажды во время утренней проверки на плацу к нему обратился пожилой зэк:

– Гражданин полковник, я могу выйти из строя и обратиться к вам лично?

– Да, слушаю вас, осуждённый! – с некоторым удивлением ответил полковник.

Пожилый зэк вышел из строя, держа в своих мощных жилистых руках внушительную коробку, красиво перевязанную двухцветной красно-синей лентой:

– Гражданин полковник, разрешите от имени всех зэков нашей колонии поздравить вас с днём рождения, пожелать вам здоровья и вручить от всех нас этот скромный подарок... – Старый зэк протянул ему коробку.

– Даже и не знаю, – несколько смутился полковник, – могу ли я принять от вас подарок? – Он чуть замешкался, не зная, как ему поступить.

– ЭТОТ подарок вы обязательно примете, – многозначительно произнёс старый зэк.

Видно, его интонация заинтриговала полковника настолько, что, переборов неуверенность, он развязал ленту, открыл коробку и вытащил из неё сверкающий никелированной поверхностью настоящий автомат Калашникова!..

– Да-а-а... – только и смог произнести полковник, в его голосе слышалось явное восхищение...

Позднее даже появилась легенда, будто бы никелированный рожок был забит под завязку настоящими боевыми патронами...

В камере на Красной Пресне, куда меня вкинули, я не обнаружил никого из знакомых, тем не менее, неизвестно с чьей подачи: Лёвы-Жида или кого-то из моих бутырских сокамерников, – меня встретили как старого знакомого. Определили на вполне «блатное» место: хоть и на втором ярусе, но у самого окна. Уже ближе к вечеру я понял, что это место действительно почётное и его обычно занимает только тот, кому доверяют.

Дело в том, что с этого места осуществлялась связь нашей камеры с прекрасной половиной Краснопресненской тюрьмы. Каким образом? При помощи так называемого «коня».

«Конь» – это небольшой мешочек, прикреплённый к обыкновенной верёвке определенной длины, либо специально сплетённый из ниток, добытых из распущенных носков, либо сшитой из тонких полосок, нарванных из матрасовки. С помощью такой верёвки пересылается письменное послание, или «дача», то есть что-нибудь из еды или вещей, а то и собственные поделки (всё зависит не только от возможностей посылаемого, но в основном от ширины щели в решётке).

Чтобы послать «коня», нужно осуществить целый комплекс подготовительных мер. Во-первых, чтобы не «спалить коня», то есть чтобы его не заметили и не отшмонали менты, кто-то должен прикрыть своим телом глазок «кормушки», то есть стоять «на атасе». Затем при помощи отопительной системы, соединяющей все камеры тюрьмы, подается условный стук, то есть в какую камеру посылается «конь» и какая камера его посылает, затем выжидается, когда в ответ прозвучит другой условный стук. После чего «конь» просовывается в щель решётки, снова подаётся условный стук, уже для встречи «коня», и только после этого «конь» отправляется в путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.